

Урина Андреева

Утобы фаузмь
повторилась сначала...

Автор
Андреева И.С.

«... С первого по тринадцатое нашего января
Сами собой набираются старые номера...»

Андрей Вознесенский

Именно в этот интервал с 1-ого по 13-е января, когда старое и новое время существует параллельно, меня и угораздило родиться. Поэтому мое притяжение к далекому прошлому легко объяснимо.

ЧТОБЫ ЖИЗНЬ ПОВТОРИЛАСЬ СНАЧАЛА

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Мысль странная мне в голову запала
Как было бы, когда б узнала я,
Что в этом мире мне осталось мало,-
Допустим, лишь полгода бытия?!
Ну, поначалу - шок от этой вести.
А дальше что? И вдруг я поняла,
Что, в общем, все останется на месте-
Любовь, стихи, привычки и дела:
И повесть я дописывать не брошу,
И мужа на другого не сменю,
И ни-ко-го, ничем не огорошу,
И никого ни в чем не обвиню!
И лишь в одном наступит перемена:
Путевку заграничную продам,
Да и пойду... пешочком непременно
По этим с детства милым городам...

Юлия Друнина

Меня удивило то, что «мысль странная» не только часто западала мне в голову, но и к финалу, подобному «друнинскому», я приходила не раз самостоятельно. Да, именно, самое большое мое желание, всегда было – повидать те места, в которых жили когда – то мои дорогие родные.

Ольга Ивановна   Лёля   Сережа   Иван Фёдорович
Заборовские

«...где они? Нет уж почти никого на свете... Думалось ли, что все они вернуться ко мне через много лет, из дали...совсем живые...до голосов...до вздохов...а я приникну к ним и погрузу...»

И.С.Шмелев

Теперь уж только виртуально могу путешествовать в том времени: интернет, письма и дневники тех лет. Возможно, здесь увижу и узнаю даже больше, чем в пешеходных экскурсиях? Ведь многие места обитания семьи моего детства скрыты от меня временем, границами, войнами ...

А самый младший член семьи, изображенной на фото, (мой дядя, Сергей Иванович Заборовский), оставшийся живым, уже не может поехать со мной (а тем более пойти!) «по этим милым с детства городам» - потому, что 1 мая 2018 года ему исполнилось 94 года.

ПРЕДИСТОРИЯ СЕМЬИ ЗАБОРОВСКИХ

Но вот первая радостная находка! Гуляя по Санкт – Петербургу (виртуально!) я нашла Ксенинский институт, в котором училась моя бабушка. Он стал мне еще ближе, когда я нашла в интернете современное изображение парадной лестницы этого величественного дворца:

Фото парадной лестницы ксенинского института

Фото Ольги Ивановны Заборовской (Ворониной)
в детстве.

Фото парадной лестницы ксенинского института
(другой ракурс)

Теперь мы можем сравнить это фото современное с
фотографией столетней давности!!!

Это ли не чудо?! Посмотрите и вы.

Воспитанницы ксенинского института

Надо побывать и на Родине дедушки, Ивана Федоровича Заборовского (тоже виртуально), ведь туда не поедешь!

«...в Ильинцах Липовецкого уезда, Киевской губернии (по новому административному делению – Винницкая область) прошло мое детство и первоначальная учеба, - пишет в письме Иван Федорович, - сначала в церковно – приходской школе, а потом в 2-х классном министерском училище».

Далее продолжать учебу в местечке Ильинцы было негде, родители дедушки продали свою усадьбу и в 1906 году переехали в город Умань. Всем мальчикам в семье (а их было трое) пришлось учиться в земледельческом училище. Но в 1906 (год переезда в Умань) даже старшему сыну Ивану было всего 13 лет, значит, поступать в училище было рано. В приеме было отказано.

Уманское училище садоводства и земледелия

Знак отличия училища садоводства и земледелия

Фото студентов. В центре ряда стоящих на заднем плане – Иван Заборовский.

Вход в знаменитый парк Софиевка.г. Умань.

Вот что вспоминает о моем деде его брат Александр (выдержка из письма): «Я всегда присматривался к моему старшему брату и старался подражать ему. Ваня был хорошим музыкантом. Дома, у отца в Умани, мы часто музицировали: Ваня - на виолончели, я - на гитаре, а младший брат Коля - на скрипке. Когда мы ходили в парк (в знаменитую Софиивку), Ваня на вечерах прекрасно танцевал мазурку и вальс. Это дело далекого прошлого...»

«Земледелку я окончил весной 1914года и уехал на практику в Волынскую губернию, получив звание агронома, - вспоминает дальше Иван Федорович,-я был назначен участковым агрономом в местечко Горошки, Кутузовского агроучастка, Житомирского уезда».

В марте он начал практику, а закончить ее пришлось раньше положенного срока, так как осенью этого печального года началась война...

Дедушку призвали в старую царскую армию. И тут интересное стечение обстоятельств: отцу моего дедушки было тогда 55 лет. По закону того времени, Федор Константинович считался *престарелым отцом, имевшим троих сыновей, старший из которых (мой дед Иван) достиг призывного возраста, в то время как следующему за ним брату- Александру, не исполнилось еще 16 лет!* Так вот, именно поэтому Иван был зачислен в запас армии (ратником ополчения второго разряда).

Это была временная отсрочка-до исполнения Саше 16 –ти лет. Итак, Ваня был отправлен, вместо фронта, участковым агрономом Долгополянского агроучастка, Старооскольского уезда, Курской губернии (с сентября по ноябрь 1914года).

В ноябре 1914года – срочный призыв в армию. Видимо, Саше исполнилось 16 лет, и льгота для Ивана перестала действовать: появился новый помощник в семье- средний брат Александр.

По призыву дедушка зачислен в стрелковый полк, (г. Орел), а в декабре их перебросили в г. Мары Закаспийской области. В июне 1916года с ротой пополнения мой дедушка был направлен в действующую армию на Кавказский фронт. Рота пополнения была влита в Кубанский стрелковый полк 39-й стрелковой дивизии.

Фото Ивана Федоровича Заборовского 1914год

Воевал с турками в Восточной Анатолии. В конце 1916года заболел тифом, и был направлен на излечение в г. Навриул. По выздоровлении, в мае 1917года, направлен в свою же часть, где и находился до января 1918года.

«На добрую долгую память от благодарных сибиряков.
Иван Заборовский и Николай Малахов»

Так я узнала, где был Иван Федорович во время революции... В январе 1918 года началось возвращение солдат старой армии по своим военным округам. Дедушка написал об этом в письме так: «...я был направлен в Киевский военный округ, а из Киева в распоряжение Уманского воинского начальства, где в феврале 1918 года был демобилизован в запас (в звании унтер – офицера), как специалист сельского хозяйства. В марте 1918 года я поступил на работу в Уманское земство и уехал в Шаулиху участковым агрономом, захватив с собой и младшего брата Колю».

«Коля поступил в Шаулихе в учительскую семинарию им. Шевченко. А я, по совместительству, учительствовал в этой же семинарии. По, предоставленному мне праву выбора, я остался только на преподавательской работе».

Осталось у нас одно письмо (по какой – то причине недописанное и неотправленное), адресованное этому самому брату Николаю:

«Милый мой брат, Коля!

Я окунулся в давно прошедшее прошлое, и поблекшие краски многих событий шаулихинских и белопольских дней вновь стали ярче. Вспомнились и действующие лица отдельных незначительных моментов нашего совместного бытования. К примеру, помнишь, как мы мерзли в съемной квартире от семинарии. А помнишь Богдана, в роли дозорного? Мы же с тобой - в незавидной роли похитителей столбиков со двора гимназии, а? Затем распиловка у нас в комнате этих столбиков... и последующее блаженство в тепле и дыму (далеко не ароматном) огромного размера само-

круток, вечно курившего старика - соседа, чуть не помершего от холода и голода...»

До чего же живая картинка! Мне кажется, я все это вижу.

Да, у моей бабушки (будущей жены Ивана Федоровича, моего braveго деда) жизнь была полегче. Судите сами! Окончание института благородных девиц в Санкт-Петербурге, чередующееся с пребыванием в санатории Халила в Финляндии, стажировка во французском языке в Лозанне (Швейцария) - и все это в дореволюционное время. Наконец, из родительского дома она приехала в г. Белополье Харьковской губернии Сумского уезда - стала преподавателем иностранных языков в мужской гимназии (об этом я рассказала в первой своей книге «Чтобы жизнь повторилась сначала»).

Опять вернемся к дедушкиному письму:

«...в 1919 году директор шаулихинской гимназии перевелся директором мужской гимназии в г. Белополье Харьковской губернии Сумского уезда и сагитировал меня переехать на работу туда же».

Так вот при каких обстоятельствах произошло знакомство моих бабушки и деда! Именно в мужской гимназии г. Белополя. Вот и сошлись два жизненных пути, от которых получилась замечательная дружная семья.

Фото учителей мужской гимназии

г. Белополя Харьковской области Сумского уезда

Мне бы очень хотелось, чтобы мои персонажи говорили в этой книге самостоятельно, и, значит, я буду помещать отрывки из их писем. Лучше этого ничего не придумаешь, т.к. мои комментарии здесь ни к чему (ведь меня в те времена еще и «в помине не было»...).

Пишет Ольга Ивановна: «...я всегда любила писать письма. Муж не мешал мне строчить послания, так как работа у него была разъездная».

Венчались мои дедушка и бабушка в Соборной Рождество Богородичной церкви г. Белополья, настоятелем церкви, протоиереем Ксенофонтом Илларионовым.

Дед проработал в гимназии недолго. В январе 1920 года он перешел в Сумской уездный земельный отдел в качестве участкового агронома. А с 1924 года он районный агроном Юнаковковского, Белопольского и Хотеньского райотдела. И, наконец, он - инспектор по сельскохозяйственному страхованию в рабочекрестьянской инспекции (РКИ).

Жили они, не тужили, каждый занимался любимой работой: бабушка была непревзойденным педагогом. Она так и пишет: «...профессия педагога, как никакая другая, требует, чтобы ее любили. Я никогда не жалела, что избрала ее. И я всегда мечтала быть преподавателем иностранных языков (особенно я любила французский)».

Добавлю от себя, что прямо вижу, как бабушка читает свою французскую книгу, надев очки на кончик носа. Книга эта есть у меня и сейчас. Я, вообще не помню бабулю без какой –нибудь книги.

А еще она даже в старости сохранила любовь к путешествиям: «...я, как сажусь в вагон, сразу становлюсь веселой, а главное здоровой. Перемена места жительства (хотя бы временная) прописывается врачами всем нервным людям, как лекарство».

В эти счастливые годы в семье появилось двое детей.

29апреля 1921года родилась дочь, Елена (это моя мама). Дома мою маму называли Лёля.

...Вот моя мамочка маленькая-маленькая лежит в колыбельке, сжимает кулачки, а няня Гавриловна говорит, склонившись над ней свою знаменитую фразу: «Скупэнька будэ, як папочка...».

Глупая бабка!— она ведь не понимала, что применение Иваном Федоровичем навоза в огороде – это вовсе не скупость, а это агрономический прием для повышения плодородия почвы. (Няня же думала так: «Иван Хвэдорович, хочет, чтоб ничто, прости Господи, нэ пропадало!»).

Самое первое воспоминание, которое мне дала бабушка, было то, как Лёля, лежащая в пеленках, испугала свою маму тем, что ножки ее, безудержно «крутившие велосипед», **БЫЛИ ПЕРЕПАЧКАНЫ САЖЕЙ!!!** Мать в ужасе обратилась к 7-летнему мальчишке, который находился в комнате (это был сын хозяйки, у которой наша семья снимала квартиру)

-Почему у Лели ножки в саже?!

-А! Да это я ей ноженятки целовал!, - объяснил мальчик. Руки же у него были перепачканы сажей от возни с печкой.

Ольга Ивановна рассказывала мне, как тяжело ре-
зались зубки у Лели, сразу несколько штук! с огромной
температурой! Жар был такой, что даже начались су-
дороги. Коленками ребенок бил себя под подбородок...
Пришел врач Сазанов, тот самый, что принимал роды,
и очень похвалил мать за то, что она не кутала ребенка,
а делала холодные компрессы на головку и область
сердца.

Слава Богу, все закончилось хорошо...

Сидя в одной рубашонке в кровати, рано утром,
только открыв глаза, Лёля изрекала: «Мони!» (это зна-
чит «молоко»). Выпив полную кружку, не отрываясь,
Лёля протягивала кружку матери и говорила: «Атё!»
(это значит «еще!»).

Вот так, вдоволь, и напилась она молока на всю
жизнь. Во взрослой жизни я ни разу не видела, чтоб
она прикоснулась к молоку.

...Мылась семья по субботам дома. В огромной
ванне. Или она казалась мне огромной? Дело в том, что
эта ванна приехала, со всем скарбом, с Украины в Ка-
захстан. Когда нами была получена благоустроенная
квартира, ванна эта заняла место в подвале многоэтаж-
ного дома. Мы хранили в ней картошку, опасаясь под-
топлений во время неисправностей с дренажом, про-
рывом канализации и других «стихийных бедствий».

Так вот, перед купанием наполнялась ванна горя-
чей водой, сверху закрывалась брезентом, чтобы вода
не остывала. А дедушка даже придумал париться под
этим брезентом - забирался под него и в горячей воде
«откисал»...

Такой ритуал мытья сохранился даже при мне, до тех пор, пока мы всей семьей не стали ходить в баню на ул. Ульянова.

Однажды, Лёля-егоза, отступая спиной назад, умудрилась сесть в горячую воду, почти в кипяток. Спас ее все тот же брезент – не дал провалиться глубоко. Но все – таки вода была очень горячая, и ожоги были...

-Лёля у нас такая хорошенькая! - не мог налюбоваться на дочку отец. Да она, действительно, такая славенькая в детстве, как неугомонная птичка: порхает, щебечет! По подвижности ее точно можно было сравнить с птахой, потому что везде успевала она заглянуть, все ей было интересно. Но она никогда не забывала брата, этого сероглазого крепыша. Сестричка же его была тоненькая, как лозинка, изящная. Выросла она такой же тоненькой высокой девушкой. И когда семья приехала на Украину в гости, то всем родным был задан вопрос:

-Правда Лёля сильно выросла?

-Да, гайдун! Гайдун!-отвечали родные.

Дело в том, что, к тому времени, Лёля уже давно переросла свою маму....

1 мая в 1924году в Белополье в семье Заборовских родился сын, Сергей (это мой дядя).

Интересно, что появлению на свет обоих детей помогал один и тот же доктор Сазанов. Он же был и домашним, семейным врачом.

Фото брата и сестрички. Леля и Сережа.

Лёля в любой ситуации считала себя ответственной за брата. Она, впоследствии, и матерью была очень ответственной. Общественные поручения в школе, в

институте и по службе никогда не обходили ее, она всегда была исполнительной и активной.

Когда ей было 5 лет, случилось вот что. Мать однажды задержалась на работе. Лёля, зимним вечером, очень обеспокоилась отсутствием мамы, и стала одевать братика - идти встречать маму!

Одела его, как полагается: шапку, шубку подпоясала, теплые рукавицы, все штанишки, теплые носки...

Ольга Ивановна, вернувшись, застала такую картину: стоят Лёля и Сережа на крыльце дома и ревут. Она тоненько подвывает, а он басом ревет...и стоит на крыльце в одних носках. Валенки Лёля надеть брату забыла...Хорошо, что стоять пришлось им недолго.

Сережа хнычет:

-Я хочу сала.

Ему отрезают сала.

-Нет! Хочу сала. Он класный. Летает.

Значит, хотелось ему красный шар, который летает.

А вот еще семейный анекдот.

Сережа капризничает. Нос заполнен, и вместо «мама» у него получается «баба».

-Какая же я тебе баба,- возражает мать.

-Дед!,-говорит Сережа, вместо «нет».

-Ну вот! Еще лучше!,- смеется мама.

Сергей в детстве был довольно флегматичным - ему все было «хорошо» (может быть в силу малого возраста). Лёля же была очень наблюдательной. Вот пример тому:

С продовольствием на Украине становилось все хуже. Как говаривал мой дедушка – «питались внатру-сочку». Однажды к обеду в семью зашел неожиданный гость. Его пригласили к столу. Он разделся и сел. Хозяева доедали какую – то похлебку, а на общем блюде лежали 4 котлеты. Лёля внимательно посмотрела вокруг и стала вслух считать котлеты: «...один, два, три, четыре»...

Перевела глаза на сидящих и опять пальчиком, указывая на каждого: «один, два, три, четыре, пять...».

У всех никакой реакции, взрослые ведут свой разговор. Тогда Лёля повторяет свой счет, уже громче. Кажется, заметили! Мама кладет гостю, себе и папе по котлете. Гость почувствовал себя неудобно: «Нет! Нет! Кладите деткам!» Мама строго посмотрела на Лелю и сказала: «Мы детей к мясному не приучаем» и разделила оставшуюся котлету пополам, между Сергеем и Лелей.

Однажды Сережа смастерил лук и стрелы. Он целится прямо в Лелю. Та протестует, а брат все – таки выпустил стрелу. И надо же быть такому! Стрела попала Леле в лицо, да еще в сантиметре от глаза! Мало того, она воткнулась в кожу так сильно, что потекла кровь! Девочка закрыла руками лицо, и между пальцами струйкой бежали кровь и слезы.

Испугался и сам стрелок. Он тоже горько заплакал: «Лёля! Милая Лёля!»,- кричал Сережа. Этими словами он просил у нее прощения.

Этот свой крик Сергей Иванович запомнил на всю жизнь. С таким чувством он рассказывал мне этот эпизод, будучи уже пожилым человеком...

Все обошлось хорошо. Ранка скоро зажила, и глаз остался цел.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ

Я продолжаю искать города, где бывали или жили мои дорогие Заборовские. И вот опять находка!

Город Ворожба! И вокзал города Ворожбы! Нашелся не только снимок современного вокзала, но и то же самое здание вокзала в годы оккупации, в военные годы.

Снимок вокзала Ворожбы в годы оккупации.

Современный снимок вокзала. г. Ворожба

Этот вокзал был, неоднократно, посещаем семьей Заборовских. А сколько выражений знакомо мне с детства про эти места!!!

Например, тут были вокруг плохие дороги, и местными жителями они назывались «ворожбянская гребля». Или вот какие – то старики, извиняясь, сказали такую фразу: «...Мы тут у Ворожби попривыкали сплетничать...».

Рядом с Ворожбой я нашла Воронин хутор, где давно – давно находилось поместье отца Ольги Ивановны – Воронина Ивана Петровича (см. первую книгу трилогии «Чтобы жизнь повторилась сначала» глава «Смутное время»).

В Ворожбе жили Вера и Нина Назимко (двоюродные сестры моей бабушки, о которых я веду рассказ в

упомянутой выше книге). Часто они наведывались в семью Заборовских, а, бывало, и забирали Лелю и Сережу погостить к себе в Ворожбу. Особенно часто это делала Нина Драновская (Назимко), так как у них с мужем была хорошая квартира (Михаил Иванович был директором школы). Вот там – то Лёля нашла, однажды, печать Михаила Ивановича и прямо на полу под столом тренировалась делать ее оттиск.. Когда вернулись хозяева, тетя Нина спросила:

-Кто это сделал?, - Лёля быстро сориентировалась:

-Только не я!

-Только ты, Лелечка!, - был ответ.

Ну, действительно, кто еще-то? Юра Драновский (сын тети Нины и Михаила Ивановича) лежал в пеленках. Старушка – няня что ли займется этим? А больше никого не было дома...

А вот что было однажды перед отъездом в Ворожбу. Маленький Сережа (ему было 4 года) пообещал, что поедет в гости к тете Нине в Ворожбу. Но чем ближе приближалось время поездки к ней, тем меньше ему хотелось покидать маму и папу. Между тем, сборы велись полным ходом. Сереже даже сложили маленький чемоданчик с его вещами и игрушками. Когда прибыли на вокзал, Сережа сделал ловкий ход: «...я, пожалуй, никуда не поеду», - сказал он удивленным родичам, и, повернувшись к матери, строго сказал ей: «...только ты мне за ЭТО каждый день будешь доставлять какое –нибудь удовольствие!».

Все расхохотались. А Сережка потом долго следил - было ли сегодня удовольствие, или день прошел впустую? Вот маленький хитрец!

Много мест пришлось поменять моим родным, благодаря дедушкиной разъездной работе. Но любимый город – это Сумы, Сумского округа, Харьковской области. Как много писем адресовано сюда, на Шевченковскую улицу, 13!!! Улица стала называться Шевченковской при советской власти (в 30-х годах). До этого времени она носила название Соборной. Переименование улицы, как раз, пришлось на пребывание Заборовских в тех местах.

Здесь наша семья жила до 1932 года, памятного голодомором... В те страшные годы моей маме, Елене (Леле – так ее называли дома), было всего 11 лет, а ее братику Сереже – 8 лет. Но об этом времени рассказ будет впереди.

А сейчас, в 1928 году Лёля пошла учиться в школу. Она уже тогда была очень разумной и смышленной девочкой. Лёля вела, по совету своей мамы, дневничок. Описывала Лёля все очень ярко и по – детски непосредственно. Сумские записи прекрасны! Спасибо мамочке! И сам город описан зримо, с Красной площадью в центре. Есть в описаниях и подгорная его часть, прилегающая к реке Псёл.

Благодаря описаниям Лели в детском дневнике, мне знакомы и г. Тростянец, и г. Верхняя Сыроватка, и Нижняя Сыроватка, и Низы, и Басы и прочие города и села.

Она и взрослой часто вспоминала Сумы: «...мы в детстве всегда бывали с мамой на пасхальной службе – прекрасный Собор был близко от нашей квартиры».

Спасо-Преображенский Собор на улице Соборная, 31.

Далее она философствует в таком ключе: «...о себе, в смысле верования в Бога, могу сказать, что никогда не богохульствую, даже в мыслях, а внутреннего трепета в этом направлении не имею, так как нас, видимо, в семье активно не приобщали к этому направлению мыслей, не действуя, однако, и против религии. Многие религиозные напевы и даже слова молитв я помню с детства...

Жизнь заставляет нас активно бороться за существование, и надеяться на Бога, вне своих усилий, бесполезно».

Моя бабушка пишет своему сыну в письме: «Сереза, ты ведь мой сын, и во многом похож на меня. Тогда как Лёля, вся в папу». Так или иначе, но дети получились прекрасные: умные, воспитанные. Значит, ро-

дители вкладывали всю душу в воспитание детей не напрасно.

Фотографии, сохранившиеся из украинских мест мне особенно дороги, так как это детство Лёли и Сережи.

Фото Лёли и Сережи г. Сумы.

Глядя на них, я читаю детский дневник Лели и вижу все их детскими глазами. Чтобы картина была совсем полной, можно совмещать чтение дневника с просмотром альбома, в который Леле писали стихи и рисовали ее сумские подруги: Дуся Лившиц, Ира Казачок с сестрой (дочери священника), Лида и Валентин Несторовы, а также жившие в Сумах родственники...

Фото Лёли с подругами. Лёля крайняя слева.

Руководила этим начинанием, конечно, мама. Она сама сделала первую запись в альбоме дочери: 4 апреля 1931г.:

...Мне мил обычай старины – писать приветствия в альбомы.

Промчатся годы. Стих знакомый дохнет приветствием весны.

Сквозь холод жизненной истомы былое вспыхнет ярким сном,

Воскреснут мысли, чувства, речи и дней давно минувших встречи

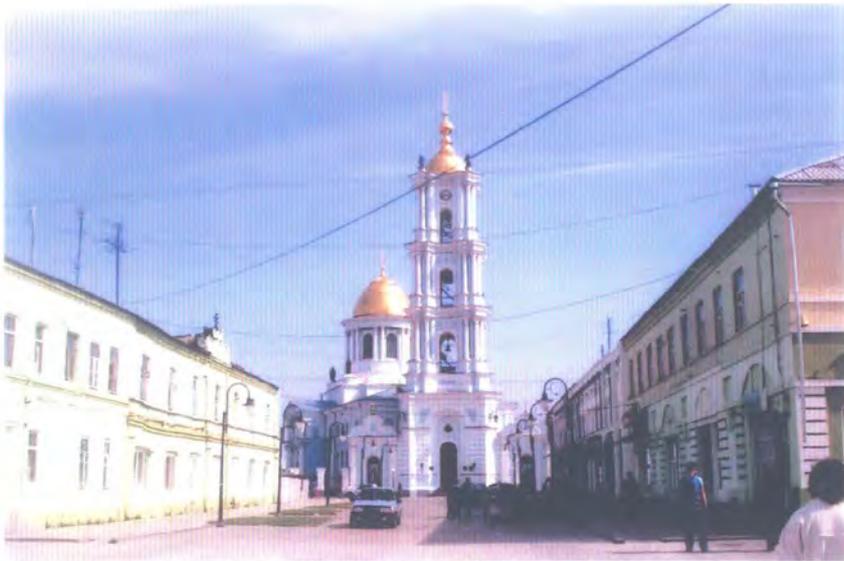
Опять помянутся добром...

Голенищев – Кутузов.

ГОРОД ДЕТСТВА – СУМЫ

Мой город Сумы, словно изваянье
Стоит, как витязь, Господом храним.
И снится мне, что снова утром ранним,
Иду по светлым улицам твоим...
Навстречу мне – улыбчивые лица:
Людской поток, как вешняя вода!
Ну, надо ж! Угораздило влюбиться
В тот город, где и не жила я никогда!
В тот город, где я без году неделя...
Горят на солнце златы купола!
Сюда сентябрьским днем, листвою метеля,
Меня однажды память увела.
К Собору, белокаменной гордыне,
Который замер в строгости святой...
И поняла вдруг: «Я, отныне,
Повязана с той вечной красотой!»

Да, очень красивый город!

СОБОРНАЯ УЛИЦА г. СУМЫ

В 2016 году было 350-летие города Сумы. На центральной площади был установлен памятник в виде большой сумки, которая олицетворяет следующую легенду.

Прибыли казаки – поселенцы к реке Псел и нашли в воде три большие сумки, наполненные деньгами. Именно на эти деньги казаки и начали строительство дозорных башен и первых домов города Сумы.

На памятнике, на сумке, даже видны стекающие с нее капли воды.

Памятник 2016 г. город СУМЫ.

Сергей вспоминает, как по Соборной улице шли факельные манифестации, которые в те годы были очень модны. Так что дети часто смотрели на них прямо из окон своей квартиры.

За Собором неподалеку был завод «Красной Звезды», его так и называли – «краснозвездинский завод».

Можете себе представить, что я УСПЕЛА УВИДЕТЬ в интернете все то, что осталось от этого, процветающего в прошлом завода...

ФОТО РУИН ЗАВОДА «Красной звезды».

А буквально через несколько дней, как я побывала тут (виртуально) - стену эту снесли, будто ждали моего визита, чтобы проститься с этим осколком моей памяти...

Фото взрыва стены «краснозвездинского» завода.

Теперь хорошо бы заглянуть прямо во двор, на улицу Соборную, 13.

План двора, был выполнен, по моей просьбе, Сергеем Ивановичем Заборовским, когда я гостила у него в Москве.

Г-здесь жила ГЕНЕРАЛЬША (вдова настоящего царского генерала)

Наш Сережа умудрился «угостить» ее камушком в глаз (метил куда – то из рогатки, да промазал. Вернее, попал точно! За это он подвергся экзекуции (отец выдрал его, как «сидорову козу»). Генеральша не могла спокойно смотреть на это и заступилась перед отцом за мальчика: «Он же не нарочно!»

В – здесь проживала пожилая женщина, по имени Вера. Был у нее петух. Последний почему – то «взбесился» и напал на свою собственную хозяйку. Он бил

ее крыльями, клевал и насакивал. Вера кричала и ничего не могла поделать с сумасшедшей птицей. Всю эту картину наблюдали Лёля и Сережа. Из желания помочь старушке они помчались домой, а по пути громко оповещали домашних: «Мама, папа! ВЕРКУ ПЕТУХ БЬЕТ». А «Верка» - то годилась им в бабушки! И откуда такая фамильярность и непочтительность?! Но разбираться было некогда! Надо было спасать бедную женщину...

Л – наружная лестница на второй этаж (на первом этаже была аптека) Там жила при аптеке еврейка (имени которой дети не запомнили). Еще у нее была взрослая дочь.

Наша Лёля, как девочка внимательная и всем интересующаяся, спрашивала соседку – еврейку:

-А у вас дочка тоже еврейка?

-А как же ж! Це ж моя доцецка!,-отвечала соседка. Это я рассказываю к тому, что Лёля обязательно должна была разъяснить все для себя, досконально и четко.

А вот сына еврейки звали ЁНЯ, и у него была русская жена.

К – это лестница, с которой кубарем, оступившись, летел вниз Сережа.

Прямо по соседству с Заборовскими жили в Сумах семья Нагорнюк: Афанасия Антоновна и ее сын Коля. Николай был ровесником Лели. Очень смешно наши рассказывали мне о лентяе Коленьке...

Афанасия Антоновна всегда спрашивала своего любимчика, нежно заглядывая ему в глаза: «Головка болить?». Ну, конечно, Коля подтверждал: «Болить...»

А когда утрами Коленька отправлялся в гимназию, мать неслась за ним через три ступеньки, так как он ежедневно забывал то ремень, то фуражку, а то и ранец!... Кстати эта семья тоже, впоследствии, в 1932г. (голодомор) переехала в Казахстан. Только их новым местом жительства стал не Петропавловск, а Павлодар.

Был забавный случай: однажды Нагорнюки приехали из Павлодара в Петропавловск в гости к Заборовским, а те всем семейством ушли в кино. Афанасия Антоновна и Коля, узнав у наших соседей, где находятся их друзья, сели на лавочку поджидать возвращения «киноманов».

И вот идут «петропавловцы»: впереди Лёля и Сережа, а сзади их родители. Сережа первым узнал «сумчан» и во весь опор кинулся к другу навстречу. На бегу, он не заметил проволочную петлю, торчащую из земли, и, попав в нее точно ногой, по инерции, кубарем полетел Нагорнюкам под ноги. Не успели они поднять несчастного Сергея на ноги, обнять и расцеловать его, как в эту же петлю, на полном скаку, попала и Лёля... Падение... объятия... смех...

ФОТО СЕМЬИ НАГОРНЮК
и Ольга Ивановна Заборовская с детьми.

Всю жизнь шла оживленная переписка между старыми соседями. Письма повествуют о тяжелой старости Афанасии Антоновны при «замечательном» сыночке Коленьке, который стал во взрослой жизни крупным чиновником, да так и не научился уважать свою старенькую маму... Да, баловство детей плохо заканчивается для самих же воспитателей...

В 1930 году глава нашей семьи стал старшим специалистом в Новоржевском совхозе Ленинградской области. В переписке сохранилось письмо мамы к отцу:

«Интересно, что в Ворожбе к 1930 году жило 12000 жителей, это был крупный железнодорожный узел. Но городом он не считался! Зато г. Новоржев под Ленин-

градом- 4000 населения, а считается городом... Как это понимать?».

Папа впервые уехал так далеко от своей семьи. Из Новоржева приходили замечательные открытки с описанием ленинградских мест, которые я храню в альбоме с другими старинными открытками.

Подпись на обороте: «Милая Лелечка! Вот эта площадь очень красива, очень велика, а за нею вид на Ленинград. Твоя мама объяснит тебе, более подробно, почему я посылаю тебе эту открытку. Папа.18.09.1930г».

В ответ писали все кто может, и кто не может: мама, дети каракулями и печатными буквами...

А однажды произошел вообще легендарный случай: Лёля заболела легкой формой скарлатины, но ее, все равно, положили в больницу.

Перепуганная мама дала отцу телеграмму:

«Лёля в больнице – легкая форма скарлатины. Сережа у Никитенко. Осложнения буду телеграфировать».

К отцу телеграмму доставили в искаженном виде: «ЛЕЖУ в больнице - легкая форма скарлатины ...и т.д.» Можно себе представить, как перепугался отец, ведь скарлатиной взрослые люди болеют очень редко, а тут двое маленьких детей при больной жене! Он отпросился у начальства, по семейным обстоятельствам, взял отпуск – и домой! Приезжает – и тут все выясняется!

Зато радости детей не было конца! – отец привез им из Ленинграда каждому по семь подарков! Среди них было: хорошее издание книги «Робинзон Крузо» Даниэль Дэфо, «Басни Крылова» издание 1913г., игрушечный браунинг и пугач, стреляющий пробками и т.д. и т.п.

Вот какое впечатление произвел папа на детей – они, наперебой, вспоминали эти подарки в зрелом возрасте!

Да и Ольга Ивановна писала Сереже, много лет спустя, в письме: «Ты помнишь меня не паникершей в ваших болезнях. Переживала я ваши недомогания стойко. И при этом часто одна, папа в отъезде постоянно, а дети чем только не болели!»

Еще она вспоминала: «Раньше на серебряную свадьбу дарили серебро, а на золотую – золото. У нас

нет ни того, ни другого - все съел проклятый ТОРГСИН» (это расшифровывается так:

торговля с иностранцами).

Примерно в 1930 году сдали в ТОРГСИН золотую медаль бабушки (маминой мамы) и купили Ивану Федоровичу хороший костюм, а Ольге Ивановне – туфли - лодочки и шубу.

Вспомнился мне рассказ об этой злосчастной шубе. Мама и Лёля пошли посмотреть новый фильм «Подкова счастья». Дело было зимой, и мама облачилась в новую шубу. Это был вечер, сеанс должен был закончиться совсем поздно. А время было воровское – беспокойное...

Маме (до начала сеанса еще) показалось, что их высматривает группа подозрительных молодых людей. Ей стало нехорошо, она поделилась с дочерью своими соображениями: как бы ни шикарная шуба являлась предметом пристального внимания нескольких парней!

В течение фильма, эта мысль не отпускала от себя худенькую девочку – подростка и полную «гран дам», владелицу шубы. Они не столько смотрели кино, сколько пытались замаскироваться, закамуфлировать свой выход ночью с сеанса. Шубу вывернули наизнанку, и надели на Лелю! А лелино полудетское пальтецо на полную фигуру матери!!! И вот такими пилигримами, они отправились домой. Либо на них никто и не думал покушаться, либо их в таком виде грабители не узнали в толпе... Да...дела давно минувших лет...преданья старины глубокой...

Голодомор 1932 год

И вот, папа из – под Ленинграда вернулся на Украину насовсем. Он стал работать в Нижней Сыроватке в 12 км от Сум. Семья все это время продолжала жить в Сумах. Видимо, времена наступили совсем тяжелые, так как зарплату отцу семейства выдавали частично деньгами, а остальное мукой. Кстати, папе пекли там, в Сыроватке, хлеб «за припек», а он складывал его в холщовую сумку и (пешком!) нес в Сумы семье...

У Лели это время так удачно запечатлено в дневнике, что лучше ее не расскажешь! Это детские шедевры!

30 июля
У нас в саду уже лето стало совсем
теплым и мы вернулись из нас школы
1 июля

Я выехала у нас в саду лето стало
теплым. Папа сделал нам муку
2 июля

Мы сегодня подкапываемся на тропе
пещере – первый раз. Мы играли в ло-
тади. Мы готовили кашу из ячменя. Го-
рошки

3 июля
Вчера ездили с родителями в Сы-
роватку. Мама она всегда любит двигать
песочник, маленький и фрукты.

4 июля
Сегодня поехали с мамой – дедушкой,
и бабушкой – уехали. Муж-ушел прощание
наша маму.

5 июля
Мы сегодня поехали в сад и поехали
на Мама поехали маленький и фрукты
борщ

6 июля
Я с мамой ездила в Артем (Ж) и на
переселенцев в Сы-Сыроватку и на Сы-Сы
7 июля

Сегодня я с мамой ездила с мамой в Сы-
Сыроватку и Мама в Мама мама при-
шла, а из Мама я, и маме дедушке.

8 июля
Мы ездили на озеро с бабушкой и
он ушел в воду. Я плакала.

9 июля
Мы завтра поехали в Сумы на на
маму.

10 июля
Сегодня мы поехали в Сумы и я

Ребенок радуется жизни! А ведь кругом голод... 1932 год Это лето, проведенное на Украине, было последним.... Никто в семье, даже взрослые не пред-

полагали, что они покидают эти места насовсем. Телеграмма из Казахстана уже лежала на столе у отца: «Предложение подтверждаем. Квартирой обеспечим Облтрактор».

А пока в лелиных детских впечатлениях ни тени беспокойства! Лёля закончила третий класс, ее первая учительница Полина Моисеевна и учительница Сережиного нулевого класса Екатерина Ивановна решают вопрос: можно ли отпустить Лелю и Сережу к папе в Нижнюю Сыроватку - ведь дети с классом работают на поле. Лёля пишет в дневнике 29 мая 1932года:

«...Сережина учительница сразу согласилась, а моя пошла к завучу. Завуч дал разрешение. Значит, папа может приехать за нами»

ФОТО старинного здания в Нижней Сыроватке, мимо которого лежала дорога Заборовских. Оно используется сейчас как больница.

Папа приехал за детьми и женой на двух подводах: одна подвода везла вещи, а на другой – поехала вся семья.

Там в Нижней Сыроватке детям было привольно, и маме там нравилось. Иногда все ходили в Сумы пешком, «по пути ловили жуков и бабочек, рвали букеты васильков, а около Сум папа нарезал шиповника».

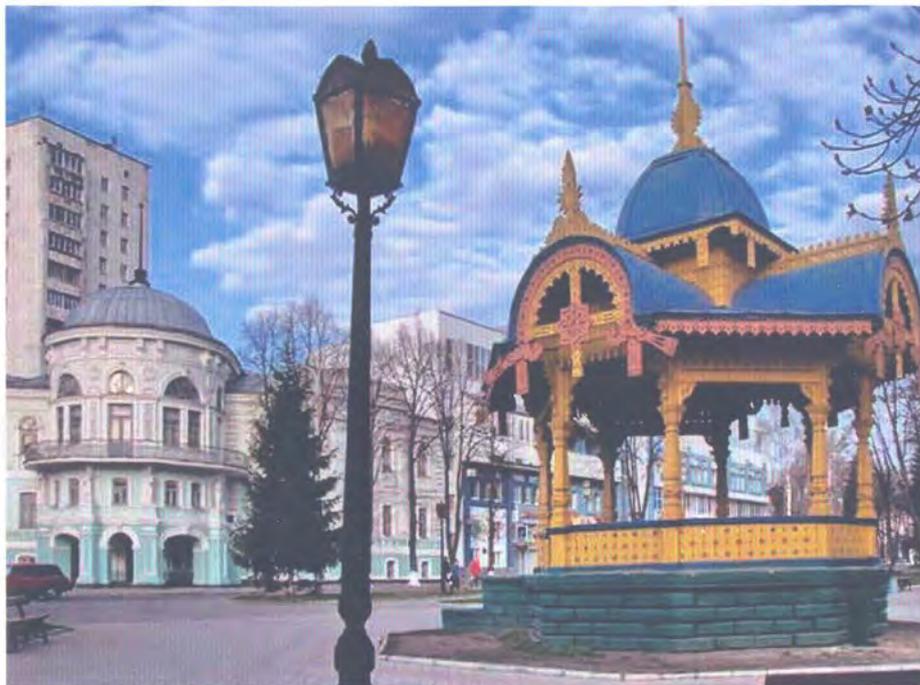
Читаю в интернете про эти места:

«Реки здесь извилисты, образуют лиманы, старицы и заболоченные озера. Поселок городского типа Низы находится на левом берегу реки Псёл, в месте впадения в нее реки Сыроватки. Выше по течению реки Сыроватка на расстоянии полукилометра расположена Нижняя Сыроватка».

Фото моста, за которым находится поселок Низы.

Да, все эти места в начале тридцатых годов были в ведении рабоче - крестьянской инспекции (РКИ), где служил мой дед...

г. СУМЫ ФОТО беседки АЛЬТАНКИ
и краеведческого музея.

Леся пишет: 16 июня 1932года «...папа неожиданно выехал в Верхнюю Сыроватку, и я с папой ездила. Я правила лошадей. А где папа заходил по делу, я сама каталась по улицам»

ФОТО древней Храмовой иконы Ченстоховской
Божией матери

Дорога Лёли лежала мимо Успенской Церкви в Верхней Сыроватке. Церковь славится исключительно тем, что в ней хранится древняя Храмовая Икона Ченстоховской Божией Матери

У меня и сейчас есть эта, освященная в церкви, икона Ченстоховской Божией Матери. Вот как она выглядит. Интересно, что мне привезли ее в наше время из Польши из города Ченстохов.

Леля пишет в дневнике 21 июня 1932г.: «...Сегодня папа был в Краснополье и привез нам мешочек пшена, теперь мы будем варить кашу».

ФОТО ВОКЗАЛА В КРАСНОПОЛЬЕ

7 июля 1932г. Лёля: «Сегодня мы с папой ездили в НИЗЫ и в Басы (4 км от Сум). Я взвесилась - вес мой 1 пуд 30 фунтов»

Что мне еще известно о Низах?

Наш певец Лев Лещенко жил в детстве в Низах.

Петр Ильич Чайковский гостил здесь у своего друга Николая Кондратьева (это друг по училищу правоведения в Петербурге). Он писал здесь чарующую музыку. Вот слова самого Чайковского: «Я очень люблю это место – Низы. Это долина чудесной реки Псел. Она протекает рядом с домом Кондратьевых, очень старым и красиво расположенным...»

Иван Федорович и дети были в этом поместье — там, в те времена, находилась детская музыкальная школа...

ФОТО ПОМЕСТЬЯ КОНДРАТЬЕВЫХ. Низы

В интернете пишут, что флигель, в котором работал Чайковский, снесен. А рояль, на котором творил композитор, утрачен в годы войны. Большая часть сада сейчас вырублена. Само поместье Кондратьевых в аварийном состоянии. Особенно плохо выглядит садовый фасад.

ФОТО разрушающегося садового фасада.

Кое – где сохранились лепные украшения.

В этом здании находились поселковая библиотека и детская музыкальная школа, но занятия там уже не проводятся - там 10 лет как отключили отопление, и здание рушится... Средств на восстановление поместья нет. Вся надежда у людей на Льва Лещенко. Ведь в Низах жил дед певца. Владимир Винокур и Лев Лещенко приезжали проведать старика, но теперь он умер...

Иван Федорович, Ольга Ивановна и их дети видели это здание в начале 30-х годов 20 – го столетия. Тогда оно было, безусловно, в лучшем состоянии, нежели сейчас.

Когда семья возвращалась из Низов на подводе, Лёля не заметила как потеряла ленточку из косички. Она горько плакала в Сумах, когда обнаружила пропажу. Все успокаивали ее: «Мы купим тебе другую, точно такую же!». На что практичная Лёля, сквозь всхлипывания, еле выговорила: «Тогда бы у меня две было...». Так уж ей было жаль ленточку...

Мама даже выучила с ней, в утешение Лели, стихи, которые девочка читала на каком – то пролетарском празднике (1 мая или 7 ноября?):

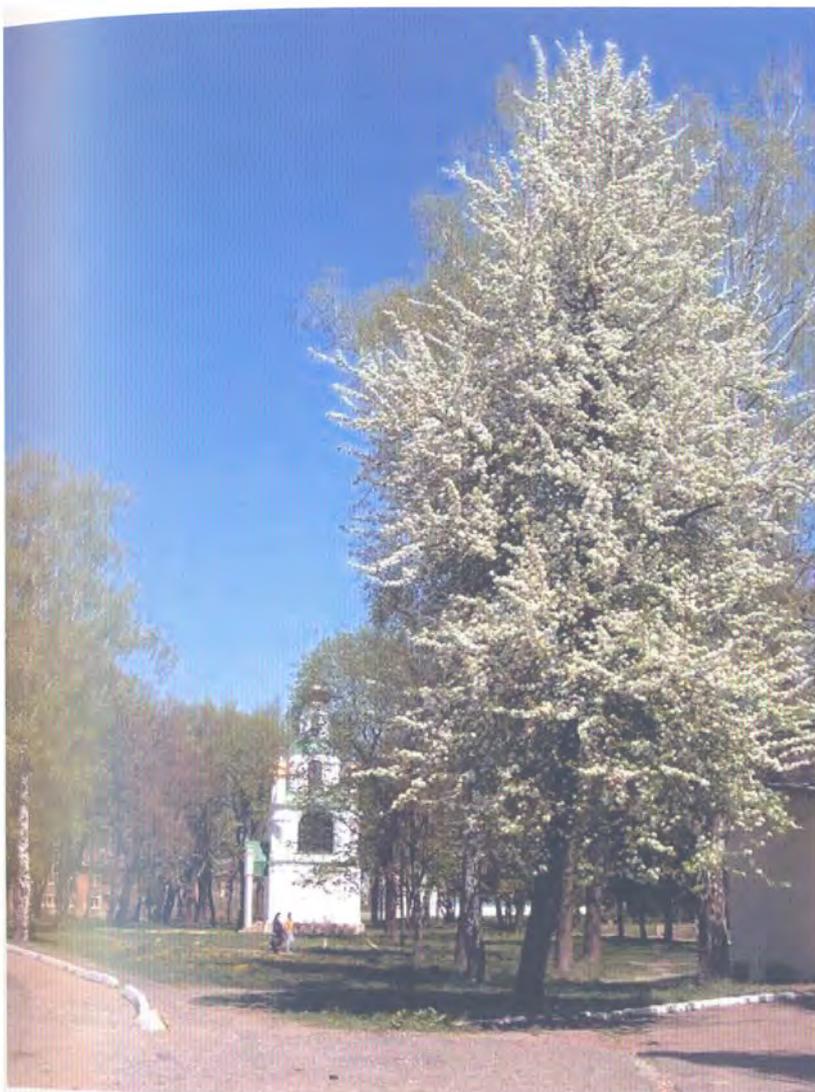
*Я дивчинка нэвэлычка, на головци у мэнэ стрычка –
(Я маленькая девочка, на головке у меня лента)
Вмею шыты, вышиваты, щей читаты и писаты –
(умею шить и вышивать, читать и писать)
А як вырасту велика, не злякаюсь працей лиха -
(а как вырасту большая,
не испугаюсь трудностей работы)
Буду гарно працаваты, всех трудящих вызволяты –
(буду хорошо работать, всех трудящихся освобождать)
Гей! Вы хлопцы та девчата! Выкликаю всех до свята!-
(эй, ребята и девчата! Я зову всех на праздник)*

ФОТО Заборовских в ТРОСТЯНЦЕ

А вот какой бантик украшает головку Лёли в поездке в город Тростянец. Ольга Ивановна ездила туда к своим хорошим знакомым Шматковым.

(Впереди (слева направо) Лёля, Сережа и дочь Шматковых, а за ними, в центре, в светлом платье – Ольга Ивановна. 1929г.)

ФОТО ЯБЛОНИ И ЧАСОВНИ.

Вот каким цветением встречает гостей Тростянец. Сзади виднеется «голодоморная» часовня. Это современная постройка, память о тех днях, когда наша семья жила еще на Украине.

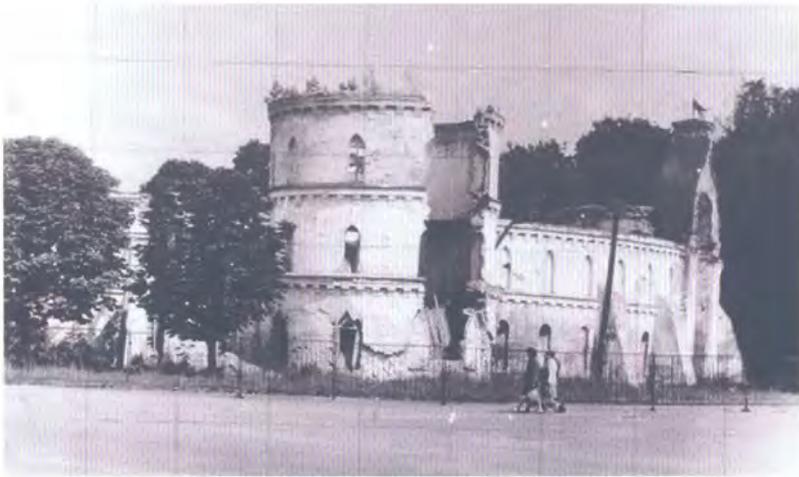

ФОТО крепости. г. Тростянец

А вот эту крепость - манеж (постройка 18 века) наши путешественники увидели именно в таком виде. Овальная кирпичная постройка состояла из двух колец кирпичных стен и 4-х круглых башен, в которых жили ранее крепостные актеры.

В г. Тростянец Петр Ильич Чайковский тоже бывал у другого своего приятеля- Алексея Васильевича Голицына.

Дело в том, что Петр Ильич был очень беден, и если бы не такие друзья, как Голицын, Кондратьев и Алексей Апухтин (будущий поэт), которые создавали ему все условия для плодотворной работы, не услышали бы мы его прекрасных музыкальных произведений... Сейчас в Тростянце стоит памятник Петру Ильичу в полный рост. Кроме того, в имени Голицына (его друга) в Тростянце устраивают музыкальные фестивали и концерты, посвященные великому композитору.

Фото имения Голицина. г. Тростянец

Сейчас здесь находится городская картинная галерея.

У нас сохранилась толстая тетрадь выражений, особенностей речи населения Белополя, Ворожбы, Сум, которую вела мать Лели и Сережи- Ольга Ивановна. Только теперь к ее коллекции добавились детские изречения своих собственных детей, а также ее многочисленных учеников. Лингвистические способности детей всегда поражали Ольгу Ивановну. Совсем не зная грамоты, шутя, играя, ребята во дворе говорили на русском, украинском, польском языках. С необычайной легкостью они перепархивали с одного языка на другой. Бывало, говорили одинаково хорошо на всех языках, бывало, - одинаково плохо, но всегда очень бойко, не подыскивая слов. Взрослые люди часто стесняются своих ошибок, а потому задерживаются в овладении иностранными языками.

Вокзал. БАСЫ

А вот Басы, о которых пишет Лёля в своем дневнике. Раньше это место называлось Бездрик. Здесь папа покупал детям яблоки.

Наступал голодный 1932 год... Сахара в доме почти не видели, а уж если он появлялся, то это было настоящее лакомство. Однажды к детям в гости зашел один мальчик. Усадили его пить чай. Сережа очень хотел угостить друга сахарком, однако он не был уверен, как на это отреагирует мать, сидящая здесь же, за столом. Наливая гостю чай, Сережа задал матери оригинальный вопрос:

-Цукер клястер?

На Серезином «тарабарском» языке это означало: «Сахар класть?». Мама рассмеялась и «дала добро»: «Клястер! Клястер!».

История эта попала в «гроссбух» Ольги Ивановны и таким образом дошла до наших дней.

Меня всегда удивляло, как много моя бабушка успевала писать! Она готовилась к серьезным занятиям в Учительском институте, техникуме, школе, писала массу писем, читала много художественной литературы! Когда я разбирала старые письма, мною был получен ответ:

«...прочно став на свои ноги, поступив служить, я любила писать письма. И я, обыкновенно, писала их не одно, а несколько, находясь в одиночестве. А когда такое бывает? Конечно, поздно вечером. Когда я была уже замужем, я бралась за перо, уложив детей спать».

Значит, в окнах дома Заборовских долго не гас свет....

«ОБЕЩАННОГО ТРИ ГОДА ЖДУТ...»

1932 год... Украина... Не только голод морил людей, в обществе совсем рядом появились признаки странного брожения. Появилась особая категория людей - осведомители. Таковыми хотели сделать всех и каждого: сослуживцев, соседей... Спасти от этого было негде. Оставалось надеяться, что где-то хотя бы можно досыта накормить детей. В Белополье в это время был страшный голод, что подтверждает детский дневничок Лели, она пишет в свои 11 лет: «Бывает, ку-

пят хлеб, а кто-то подбежит и выхватит! Вора схватят, бьют, а он под побои ест. Вот такие дела творятся!»

Осознавая, что на Украине можно просто погибнуть, Иван Федорович крепко призадумался, как спасти семью? Он послал запросы во все концы - где требуется опытный агроном? Из всех предложенных вариантов Заборовским больше других понравился Казахстан - ведь только здесь обещано жилье. «Предложение подтверждаем. Квартирой обеспечим. Выезжайте» - эта телеграмма из Петропавловска хранится у нас в архиве. Начались сборы в далекий Казахстан. Вот строчки из дневника Лели Заборовской:

«... Папа получил предложение в Петропавловск. Ехать туда дней 5-6. Это в Сибири. Папа уехал за расчетом. Пианино мы, наверное, оставим, а в Петропавловске купим другое (на самом деле музыкальные занятия Лели оборвались навсегда, т.к. пианино пришлось оставить родственникам в Белополье - не везти же инструмент за тридевять земель!).

Лёлин дневник: «...25 сентября 1932года... Сегодня в 8 часов утра папа пошел на Красную площадь (г. Сумы) за извозчиком. Нашел. И мы поехали на станцию. Папа взял билеты. Пришел поезд, и мы в него сели. Поезд стоял на станции 20 минут. Вдруг мы видим в окно, что к нашему вагону идут тетя Муся и Лида. Они принесли нам груш, зашли в вагон, и мы с ними попрощались... Вышли они. Поезд скоро тронулся. Они нам, а мы им махали руками...»

Вот здесь и проходит линия раздела в жизни Заборовских: «...Прощай, Украина!

Сергея взял с собой в поезд тряпичную куклу-Степку, у которого лицо было нарисовано химическим карандашом. И всю дорогу в поезде Сергей Степке все показывал в окно...

В дневнике читаем: «Вот мы и приехали в Петропавловск.

ФОТО ВОКЗАЛА г. ПЕТРОПАВЛОВСКА

На станции пришлось дожидаться утра. Утром мы поехали в Дом крестьянина. Город грязный, тротуары деревянные. В доме крестьянина тоже очень грязно - мы не выдержали. Папа пошел в «Облтрактор». Квартиры для нас нет. Один служащий пустил нас к себе на кухню. Так прожили мы у него 8 дней».

Все эти 8 дней Иван Федорович пытался разрубить узел, затянутый намертво, - квартира быть должна, но ее нет. Условия договора со специалистом предусматривали обеспечение его квартирой, но обещанного пришлось три года ждать: с 1932 по 1935 год!

Положение было «пиковым». И главное, деваться некуда: ведь за приехавшими следует где-то по необъ-

ятным просторам страны (бог весть где!) багаж с мебелью, носильными вещами, хозяйственным скарбом. Неласково встретил Петропавловск семью Заборовских. Даже ребенку было понятно, что с квартирой обманули: «...Нам обещали квартиру, когда писали предложение. Мы решили ехать в деревню за неимением квартиры в городе. Пришла машина, и мы поехали в Боголюбово» - записала Леля в дневнике. Да, легко сказать: «решили... поехали...»

На самом деле в Боголюбово квартиру действительно выделили сразу. Деревенские жители моментально узнали о приезде новоселов, столпились во дворе дома, чтобы получше разглядеть приехавших. Зрители без стеснения прильнули к окнам, наблюдая, как вносятся пожитки в дом. Зрелище внесения в квартиру нескольких кроватей сопровождалось громкими репликами: «Это, наверное, общежитие». В деревне спали на лавках, полатах, на печке. А кровати, да еще и у каждого человека отдельная (мыслимое ли дело?), по мнению жителей, могли быть только в общежитии!

Забегая вперед, скажу, что за три года, прожитые в Боголюбове среди этих простодушных людей, семья Заборовских обрела много замечательных друзей на всю жизнь, узнала щедрых душой людей, о которых бабушка рассказывала мне с любовью так много интересного!

Вновь приехавшие тоже немало удивляли боголюбовских старожилов. Вот Леля с наступлением холодов надела шапку - дети толпой бегут за ней и кричат: «Девчонка в шапке!» (девочка обязательно должна носить платок). Учительница прикрикнула на ребят, а ко-

гда те отстали от Лели, сама спросила у нее: «А действительно, Заборовская, почему ты в шапке?» Но у себя в дневнике Леля записала: «... Я была с мамой в школе, и меня не обижают. Нашу учительницу зовут: Евдокия Ивановна Малыхина».

Малыхина Е.И.

Иван Федорович стал старшим агрономом Пришимской МТС, относившейся к Трактороцентру Карагандинского отдела (в то время Петропавловск был административным центром Карагандинской области).

В Боголюбове младший сын Заборовских (Сереза) пошел в первый класс в школу, учился по примеру своей старшей сестры Лели на «отлично», а бывало, и шалил! Боголюбовские мальчишки затеяли такую игру: возле МТС находился конный двор. На дворе был жеребец, пробежать под брюхом у которого считалось верхом храбрости! Мальчишки, сумевшие сделать это, были настоящими героями. «Мероприятие», задуманное сорванцами, было рискованным и очень опасным.

Продельывал подобные трюки и Сережа, а его мама, безусловно, даже не догадывалась о «подвигах» сына... Леля, подражая своей маме, записывала особенности речи коренных жителей области.

Мама, как языковед, интересовалась особенностями речи местного населения и продолжала писать в тетрадь слова, характерные для Северо – Казахстанской области (по тогдашнему административному делению - Карагандинской области):

«Братка» – старший брат «Простыть» – простудиться
«Катушка» - горка

«Няня» – старшая сестра «Казенка» – кладовка

«Лёля» – крестный отец (мать). Недаром на Лелю, девочку приехавшую с Украины дети дразнились: «Лёля! Лёля! Ты всем нам Лёля».

«Чьи вы?» - как ваша фамилия? «Кто вы?» – ваше имя и отчество? «Картофны» – картофельные

«Околеть» – значит окоченеть (но не умереть)

«Уваль» – вуаль «Тувалет» - зеркало «Лягем» - ляжем «Ихая» (лошадь) – их лошадь «Улка» – улица.

АДАМ И ТАЛДА

Ближайшей соседкой Заборовских по Боголюбову была Агафья Петровна (фамилии ее я, к сожалению, не помню). Эта странная, смешная, высокая женщина фигурирует во всех рассказах и воспоминаниях моих близких под именем Талда из-за особенности произношения слова «тогда». Так и прилипло к ней это прозвище.

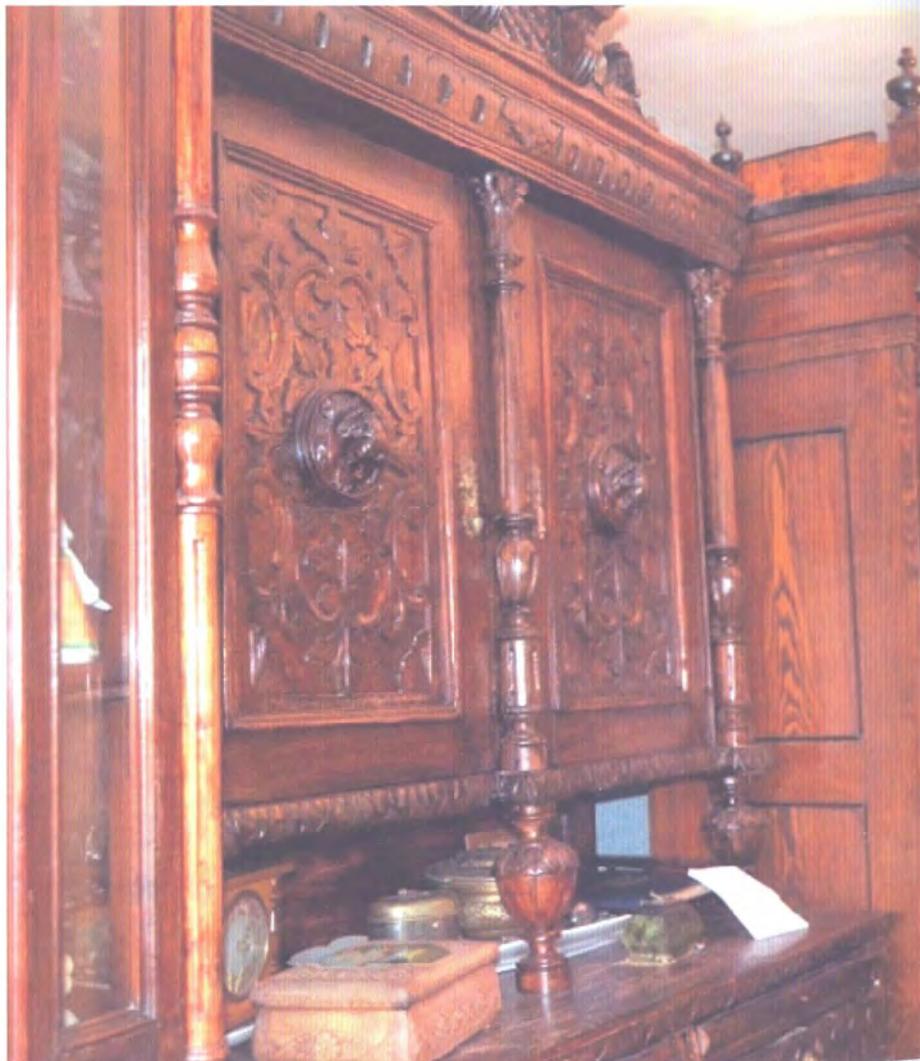
Агафья Петровна была добрым гением нашей семьи, т.к. несколько месяцев снабжала Заборовских всем необходимым по хозяйству, пока не прибыли следовавшая «тихим ходом» по железной дороге мебель, посуда, хозяйственная утварь... Талда была замужем за военнопленным австрийцем, которого звали Адам. Наш Адам не оставлял надежды вернуться на родину, в Австрию, и время от времени писал письма в консульство («Конзулу», как говорила Талда). Сам Адам грамоте русской не был обучен, Агафья Петровна была неграмотной, так что писать письма в консульство приходилось просить каждого грамотного человека. Не избежал этой участи и Иван Федорович Заборовский. Так уж случилось, что именно после ходатайства, написанного рукой моего дедушки, Адаму, наконец, пришел долгожданный положительный ответ. Благодарности Адама не было предела!

В нашей семье он оставил о себе добрую память тем, что именно он привез из Петропавловска пришедший, наконец, багаж (вез он его в несколько приемов на лошади, запряженной в сани). Таким образом, прибыли в Боголюбово письменный стол, антикварный буфет, книжная полка (из обстановки рода Ворониных) - вещи эти «живы» и поныне.

Когда Адам уезжал в Австрию, то хотел и Талду взять с собой, но та отказалась ехать на чужбину и он уехал один.

В хозяйстве Талды были лошадь, две коровы, овцы, поросята, куры, гуси. Ольга Ивановна не переставала удивляться, что Талда считалась бедной. Ведь на Ук-

раине одна корова - это очень хорошо, а две коровы - кулаки! Вот какая разница в понятиях!

Буфет Заборовских

ЗДЕСЬ КЛИМАТ ИНОЙ

Так семья Заборовских стала жить да поживать на новом месте. Ольга Ивановна преподавала в Боголюбовской школе русский язык, литературу, немецкий язык. Удручающе действовала на нее погода, непривычная для людей, приехавших из теплых краев. Вот как описывает здешнюю позднюю осень Ольга Ивановна: «... погода прямо непозволительная. Моросит дождь. Ветер дует порывами, да такой, что рамы трещат. А воет, воет как! Недаром при царизме непокорных ссылали в Сибирь. Погода очень действует на психику человека...»

А вот еще философия моей бабушки на тему погоды: «...Вспоминаю Украину. Весной в апреле - рай в природе. В Северном Казахстане весна стоит холодная, потом грязь... Остается уж меньше месяца до мая, а народ только два дня как стал снимать с себя шубы. Весны вовсе не увидим, а сразу перескочим в пыльное лето с ветрами. А ветер нас никогда не оставляет. Вот осень здесь долгая, теплая, красивая — и то хорошо!».

Зимой часто случались бураны — есть где разгуляться ветрам на степных просторах! Надвигающийся буран население умело безошибочно распознавать по приметам. Предупреждали одну девочку: «Не ходи в Надежку! Будет буран!». Не послушалась, пошла... близко, мол, успею! Нашли ее на другой день замерзшей, занесенной снегом - фамилия этой девочки Гулик. А однажды за околицей, у колодца, Сергей с отцом увидели двух мужчин-почтальонов, ехавших на роз-

вальнях в сторону города. Через день стало известно - не доехали, замерзли.

Страшно подумать, но мой дедушка тоже однажды чуть не погиб во время бурана. Как обычно, он отправился в служебную поездку на грузовой машине в Явленку. В пути начался буран. Сначала показалось вовсе не страшно. Но вот беда - машина заглохла, а до места не доехали совсем чуть-чуть. Иван Федорович предложил шоферу двигаться пешком в сторону населенного пункта (если сидеть - можно замерзнуть!). Но шофер ответил: «Машину не брошу!» И пошел Иван Федорович один, тем более что ясно были видны телеграфные столбы вдоль дороги. Но вскоре буран усилился. Ничего не разглядеть кроме белой мути! Мелькнула мысль — «Вернуться назад, в машину», но тут же пришло в голову: «Зачем? Дорога непременно приведет к жилью».

А буран и не думал шутить - идти приходилось, вытягивая ноги из глубокого снега, проваливаясь - месить снег стало невозможно! Что это? Неужели сбился с дороги? Силы покидали медленно и от этого было особенно тоскливо и жутко. Пропал ни за грош! Вспомнились почталыоны, замерзшая девочка. Мысленно увидел себя окоченевшим, занесенным снегом. Нет! Надо шевелиться! Одежда ужасно мешает: на зимнее пальто надет тулуп с огромным воротником (ехать в холодном грузовике иначе было нельзя!). Скинуть тулуп - будет полегче, но замерзнешь - верное дело! Стало темнеть, день таял. Сколько же времени прошло? Кажется, целая вечность... Был момент, когда силы совсем оставили путника, тогда он стал ползти, перекатываться по снегу. А ветер завывал, издевался над выбившимся из сил человеком. Вдруг показалось, что огонек светится

вперед! Может, галлюцинация? Но нет! Действительно, домик на окраине села, где и приютили, и чаем напоили, и спать уложили.

А на другой день ослепительно светило солнце, кругом, насколько хватало глаз, расстилалась снежная равнина, вчерашний буран казался чем-то невероятным и неправдоподобным...

ТАК БЫЛО

Случалось всякое в той суровой действительности. Как метко умела выхватывать Леля главные события жизни для своего дневника! Не каждый взрослый человек опишет все так обстоятельно и толково.

«1933 год: ...в Боголюбове открылся барак для больных тифом. Сейчас там много лежит народу». Недаром загадка «Без чего человек не может жить?» - имела в Боголюбове страшную разгадку - «Без вшей». Этот мрачный юмор имел под собой основу. Каждый день уносил жизни людей.

«17 сентября 1933г. Умерла мама Поли Раздорской...».

«24 сентября 1933г. Заболела Сережина учительница – Анна Петровна Морозкина».

«29 сентября 1933г. Умерла Анна Петровна Морозкина».

«30 сентября 1933г. Хоронили Анну Петровну. Мама на кладбище произнесла речь».

Неподалеку от Заборовских жила семья Васильевых - у них была баня, но топилась она по-черному. Не раз приглашали соседи к себе - однажды приглашение было принято. Однако закончилось все плачевно: лишь

вымазались в бане по-черному, да еще и угорели - больше решили не экспериментировать. Прямо как в рассказе Зощенко «Баня»: «Бог с ним, дома домоемся!»

«5 февраля 1934 года. Пришла к нам Лиза Черникова за книгой и сказала, что Алешу Охотина убил Санька Васильев (оба мальчика из маминого класса). Мы сначала не поверили, но потом все подтвердилось. Мы были у Алеши. Как он изменился - перед смертью он потерял очень много крови».

Но что же случилось? Мальчики затеяли игру с ружьем. Санька Васильев прицелился в Алешу, будто он охотник, а Алеша - куропатка. Нажал курок - прогремел выстрел. И нет Алеши! Но это не конец истории. Надо не забывать, какое было время. Трагедия повлекла за собой другую. Отец Алеши Охотина был председателем сельсовета, поэтому дело в суде было представлено как покушение на сына председателя сельсовета, мол, все было подстроено нарочно Васильевыми...

Отец семейства — пимокат Васильев - был объявлен врагом народа, а вся его семья отправлена в ссылку.

В ОПАЛЕ

Ничего удивительного в том, что люди боялись друг друга, не было. Одно неосторожное слово могло подписать смертный приговор любому. Примеров тому очень много. Все были скованы страхом, отравляла существование липкая паутина доноительства, слезки... Был донос и на Ольгу Ивановну, в котором она незаслуженно обвинялась в насаждении религиозных

взглядов на своих уроках. Мне очень трудно представить себе, что моя бабушка, зная отношение власти к религии, стала бы проповедовать их на уроках иностранного языка, если даже дома собственных детей к религии не приобщала.

Во всяком случае, в 1934 году в Боголюбове донос был посвящен президиум в сельском Совете, где дополнительно сообщалось, что дома у Заборовских висит икона. На самом деле это была не икона, а репродукция с картины (картина имела, безусловно, религиозное содержание: молодой человек с мученическим выражением лица, с терновым венцом на голове). Напрасно Ольга Ивановна доказывала, что это не икона, ведь и подпись есть - написано по латыни - «эс гомо» (это человек). Картину пришлось уничтожить. А Бога надо благодарить, что делу не дали дальнейший ход, ведь по тем временам положение было серьезное. Очень поддержал «на процессе» Ольгу Ивановну директор Боголюбовской школы, носивший звучную фамилию - Коберник. Этот смелый человек был сам арестован в 1937г. Дальнейшая его судьба мне неизвестна, т.к. семья Заборовских дождалась наконец квартиры в Петропавловске, обещанной еще в 1932 году.

Шел 1935 год...

ПЕТРОПАВЛОВСК. 1935 ГОД

Приехав в Петропавловск, Ольга Ивановна стала работать в железнодорожном техникуме, в школе 1 им. Ленина, а позже - в учительском институте. По образному выражению ее коллег, «она не ходила — она летала». Один подъем на мост над железнодорожными

путями чего стоил! И мечта ее сбылась! Во все времена благодарные ученики ценили отличные знания, которые она давала, вспоминают ее по сей день с доброй, ясной улыбкой - ведь и она всегда была приветливой с людьми, считая непозволительным показывать дурное расположение духа.

У Ольги Ивановны существовало и другое неписаное правило: не преподавать в тех классах, где учились ее собственные дети. Лишь в редких случаях Ольге Ивановне и Сергею приходилось все-таки «встречаться». Дочь училась - по прибытии из Боголюбова - в школе 2 им. Кирова. Способную девочку сразу заметили все учителя, особенно преподаватель математики Александр Афанасьевич Наумов.

ФОТО КЛАССА школы №2 Им. Кирова.
В центре Александр Афанасьевич Наумов.
Лёля справа от него

Уважаемого и любимого учителя дети называли между собой «Афон». Бывало, он давал на уроке сложную задачу, над которой требовалось хорошо поразмыслить - в классе наступала тишина. Александр Афанасьевич говорил: «Заборовская, план решения задачи в пространстве!». Леля давала свою версию решения задачи, а учитель, удовлетворенно покачивая головой, резюмировал: «Светлая голова».

Еще одно страстное ее увлечение - фотография. Если бы не это, мы не могли бы сейчас взглянуть на старый Петропавловск глазами Лели.

Дом на улице Кирова. 1935 г.

Сфотографирован ею и старый дом, в котором областное заготуправление (облзу) выделило Заборовским квартиру. Хотя квартира - это слишком громко звучит! Была просто одна комната, разделенная шир-

мой на две половины. Всего одна комната и общая (с соседями Аманбаевыми) кухня с русской печкой. Вечерами обе семьи пили здесь чай: выражение «шай шарга» и «самовар кайнады» пришли к нам из тех далеких времен ...

5 лет прожили две семьи бок о бок как родные, а воспоминания друг о друге сохранили на всю жизнь.

Одноклассники, соседи, друзья, подруги становились объектами фотосъемок Лели, а излюбленным фоном для съемки служил все тот же старинный буфет рода Ворониных, привезенный с Украины на станцию Петропавловск и доставленный в Боголюбово австрийцем Адамом, теперь же благополучно «перекочевавший» в городскую квартиру. На его фоне сфотографирована Надя Уборевич - дочь командарма Иеронима Уборевича.

Надя была ученицей Ольги Ивановны в школе 1, дружила с Лелей Заборовской, поэтому до меня дошли некоторые воспоминания о ней. В энциклопедии пятидесятих годов не ищите имя легендарного командарма Уборевича - уничтожали не только человека, но и память о нем. Жертвами репрессий становились как арестованные, так и их родственники. Командарм объявлен врагом народа, и Надю заставили отречься от отца, публично, через газету, и дорога в вуз для девушки была закрыта. Надя бывала у отца в Кремле, видела близко Сталина, на ее тетрадках было золотое тиснение «Уборевич Надя» - теперь она приняла фамилию тети, жила у нее в Петропавловске и стала никому неизвестной Надей Завьяловой.

Надя Уборевич отвечает урок Ольге Ивановне
шк. №1 г. Петропавловск

Ольга Ивановна вспоминает, что когда у них под окном останавливалась машина, наступало томительное ожидание: «За кем на сей раз?», «Как бы не забрали мужа...» Забирали многих и всегда приезжали арестовывать ночью, с обыском. Сколько можно было жить и дрожать, не делая ничего плохого?! Никто не был застрахован от ареста ни положением в обществе, ни своей безвестностью. Перед глазами Ольги Ивановны и других преподавателей проходила целая вереница сломанных судеб учеников и их родителей...

Одноклассница Лели - Лия Экштейн (у нас в доме ее называли Люся) тоже воспитывалась у своей тети, т.к. ее мама - зубной врач Шапиро была расстреляна в 1937 году, а Лия отдана в детдом. И только спустя время ее смогли забрать оттуда родственники (семья Бамдас).

Фамилия Бамдас упоминалась в нашей семье в связи с еще одной знаменательной историей. В 1932 году мой дедушка Иван Федорович пошел за продуктами на

рынок, а вернулся оттуда с очаровательным щенком величиной с варезку. Именно тетя Люси Экштейн (Бамдас) вручила Ивану Федоровичу этот пушистый комочек с просьбой позаботиться о нем - как она выразилась, «хотелось бы, чтобы пес попал в хорошие руки...» Так в нашем доме появился Дружок.

У нас в семье всегда с душой относились к «братьям нашим меньшим». Даже бродячего боголюбовского пса Бобку Леля и Сережа помнили спустя десятилетия!

Они рассказывали мне, что когда Бобка приходил к ним во двор, то всегда занимал позицию на завалинке. Ребята Заборовские просыпались - и первым делом видели на занавеске его профиль, высвеченный восходящим солнцем. Такое утреннее пробуждение с Бобкой на занавеске сулило хороший день, дети были рады.

Что уж говорить о нашем любимце Дружке?! Ольга Ивановна вспоминает в письме: «Никогда не забуду своего любимца и старожила Дружка - его ум, харак-

тер, преданность! Ведь он прожил у нас 15 лет и стал настоящим членом семьи». Для Дружка существовало табу - нельзя вспрыгивать на кровать! Он это требование выполнял, но в отсутствие хозяев позволял себе поблаженствовать на постели. Стоило снаружи вставить ключ в замочную скважину - он тут же спрыгивал с нагретого места и прятался под кровать. Ему было невдомек, что «предательская ямка», оставшаяся на покрывале от его лежания, выдавала его с головой! Самым «страшным» наказанием за это служила для него фраза, сказанная Ольгой Ивановной с нажимом в голосе: «Чья это собака?». Он полз по полу «попластунски», навстречу хозяйке, боясь поднять глаза, виляя хвостом - как говорил Сережа, «просил прощона» (прощона - «прошу прощона» по-французски)...

Соседи Аманбаевы (Мажит и Нагима), уехав в Акмолинск, в письмах к Заборовским вспоминали Дружка, общего любимца. Воспоминания были как светлые, так и тяжелые - например, о тяжелой утрате, постигшей Аманбаевых еще в Петропавловске: в возрасте 4-х лет малышка Радалья (дочь Мажита и Нагимы) умерла от скарлатины. Тогда же вместе с Радальей заболел и Сережа Заборовский, причем он был уверен, что тоже обязательно умрет вслед за нею. Хвала докторам Первой советской больницы - спасли мальчишку. Сереже было 15 лет. Когда после тяжелой болезни он начал вставать на ноги, видаться с родными ему разрешили только через стекло больничного окна. Вместе со всеми пришел к больнице и Дружок (а как же без него?). Ольга Ивановна запишет после посещения: «Дружок сначала сошел с ума от радости, что видит Сережу, а потом от горя, что не может к нему попасть...» Было это в 1939 году.

Для Лели это был счастливый год - она с золотой медалью окончила школу и поступила в Московский химико-технологический институт им. Менделеева (МХТИ, г.Москва).

ФОТО УЧЕНИКОВ Ольги Ивановны

Любимой
учительнице
и другу
Олеге Ивановичу
от поклонниц
и благодарной
ученицы
Валентины
Барановой
Май, 1944.
Москва

На вечере памяти
классному руководителю -
Теоле Давид Ивановичу
от Вацлава Станислава
ученика
Олега Новикова
Вас и Николая
не забуду

По – разному сложилась жизнь многочисленных учеников Ольги Ивановны и ее детей.. Но это уже совсем другая история. Ведь «завтра была война»...

Да, это уже другая история, а напишут ее в письмах домой Леля и Сережа Заборовские. Молодцы ребята Заборовские — они уже тогда понимали, что много лет спустя эти письма будут нашей семейной ценностью:

Леля и Сережа Заборовские —

*студенты МХТИ
им. Менделеева г. Москва*

«У нас просьба к папе - взять на себя подклейку и приведение в порядок присылаемых нами писем. Старые тоже не растеряйте! Пусть растет наш архив» - так напишут дети своему отцу. И мой дедушка, Иван Федорович Заборовский, с воодушевлением и свойственной ему аккуратностью выполнил их наказ. Студенческие письма Лели, фронтовые письма Сергея аккуратно собраны в три толстые книги.

Глазами очевидцев запечатлены исторические события: война, салют Победы в мае 1945 года в Москве, парад победителей на Красной площади, описан праздник 800-летия Москвы (1947г.), увиденные глазами Елены и Сережи, который, вернувшись с фронта, вместе с сестрой учился в МХТИ в г. Москве. Леля Заборовская пишет в письме следующее: «До 1939 г. мы с Сергеем никуда фундаментально не выезжали из дома и поэтому переписка более раннего периода может

быть представлена отдельными письмами. А вот с 1939 года, когда мне исполнилось 18 лет, я выехала от семейного очага в самостоятельную жизнь. Тогда и началась регулярнейшая (а не от случая к случаю) переписка. Встает в памяти любой отрезок жизни и даже конкретный эпизод... в общем, «Сага о Заборовских» («а не о Форсайтах»).

САГА О ЗАБОРОВСКИХ. 1939 г.

Все ближе и все яснее видятся события тех лет. Я на всех парусах мчусь к тому времени, где уже все узнаваемо: школа № 1 имени Ленина (здесь директор Заплавный, и здесь преподает иностранные языки Ольга Ивановна Заборовская, и учится на «отлично» в 8 классе Сергей Заборовский). Школа №1 соревнуется со школой №2 имени Кирова (директор – Вера Яковлевна Смирнова, и здесь Лёля Заборовская учится завершающий год в 10 классе).

В феврале 1939 года Иван Федорович Заборовский просит освободить его от занимаемой должности, т.к. его хотели переводом отправить в другое место. Он и мотивировал свой отказ от переезда тем, что его дочь Лёля, оканчивает школу, и нецелесообразно уезжать отсюда за несколько месяцев, оставшихся до окончания учебы. Начальство удовлетворило его просьбу и оставило в Петропавловске, но все – таки из ОБЛЗО его перевели в Гострест совхозов старшим агрономом. В семье это называлось: «когда папа работал в тресте», и сразу становилось ясно; 1939год.

Надо сказать, что в старших классах школы №2 Лёля была в когорте отличников ПО ЗНАНИЯМ прочно и очень надежно впереди.

Внутри же когорты, выделялась группа хорошо обеспеченных учащихся, модно одетых, прекрасно питающихся. Они бывали друг у друга в гостях, делали друг другу дорогие подарки и именовались «Чашка чая».

Наша семья жила весьма скромно, одежда была аккуратной, но оставляла желать лучшего, особенно по меркам членов «чашки чая». Однако сбросить со счетов Лелю Заборовскую они все – таки не могли, т.к. знания ее были столь высоки, что самая трудная задача бывала ею решена - пусть путем долгого сидения над ней ночью!!! Бывало мама и папа, а уж тем более Сережа, давно спят, а Лёля упорно решает неподдающееся задание.

А утром вся «чашка чая» перед уроками ожидает Лёлю: «Решила?» - «Решила!»

«Дай сдать!»...

Своим «недутым отличничеством» Лёля доказала всем свои знания - она единственная из всей когорты отличников поступила после окончания школы в Московский ВУЗ (в знаменитую «менделеевку»: химико – технологический институт им. Менделеева)

Лелин отличный аттестат сохранился в нашем архиве, подписан он директором Верой Яковлевной Смирновой.

Ура! Победа! Молодец Лелька! Светлая голова! Мама и папа гордятся тобой! Ты ^{протофила} построила дорогу в

ВУЗ не только себе, но и брату, который младше тебя на 3 года! Но это все потом, а пока...

21 августа 1939 года наша Лёля выехала покорять Москву. Выехали они с одноклассницей Аидой Адамович. Девушки промокли сильно при посадке - шел дождь. Аида вышла в Свердловске, дальше Лёля поехала одна...

А теперь я готова утверждать, что редко в какой семье есть такой клад: «письма не обрывочные от случая к случаю, а подробные и регулярные, сброшюрованные отцом и матерью в три толстые книги». Лёля была мастер на такие письма, ее рука не ленилась выписывать для родителей всю студенческую жизнь. Кстати, при прочтении старых писем, я нашла к ним ответы мамы и папы из дому, Сережины шедевры и наслаждаюсь общением со своими родными, ушедшими от меня...

Но они со мной, благодаря этим письмам!

Вся наша дружная семья постановила на семейном совете – писать Леле в Москву будут все, и каждый про свои новости. Посылать решено по 200 рублей ежемесячно студентке – это они назвали «безотчетным бюджетом». Кроме того, решено было создать денежный фонд для непредвиденных или неожиданно повернувшихся покупок в Москве. Эту сумму положили на сберкнижку. А так как в Москве трудно было с общими тетрадами для конспектов, из Петропавловска пошла посылка с общими тетрадами (интересно, что эта посылка ТАК И НЕ ДОШЛА до адресата!!!), хотя папа пошел на почтамт и устроил там «тарарам».

Посылка получена в Москве, и даже роспись в получении разборчива: некто «Костина». Потом, правда выяснилось, что работала в общежитии такая нечистая на руку женщина, да уволилась уже, и следов ее не нашли.

Лёля сообщила, что она зачислена на первый курс московского химико – технологического института им. Менделеева (спец. факультет). При поступлении Леле было предложено несколько факультетов, причем некоторые давали возможность моментального зачисления, а на специальный факультет было серьезное собеседование. Она, тем не менее, выбрала спецфакультет.

Папа по этому поводу пишет 7 сентября 1939г.: «...В отношении выбора специальности ты поступила правильно, выбрав специальный факультет: и теперь невредно, и в будущем неплохо. А работать везде нужно!».

Сережа пишет в этом же письме: «...мы начинаем занятия в школе с 8 часов, так как у нас три смены – опять какая – то школа не достроена в Петропавловске. За шестидневку я уже получил две пятерки по физике и истории. Вскоре после твоего отъезда папа уехал в командировку на полуторке, я с ним доехал до треста. Во время командировки папа купил собрание сочинений Салтыкова - Щедрина» (и эта книга жива и сейчас в нашей библиотеке!!!)

Радостным для дочери известием было то, что папе в скором времени предстоит служебная поездка в Москву на ВДНХ.

В смысле питания в Петропавловске тогда было очень плохо. Отправляя отца в Москву к Леле, писали огромный список – что надо купить. Среди требуемых продуктов: чай, крупы, сахар и т.д.

Жизнью Лели в общежитии МХТИ отец остался доволен, только он был обеспокоен тем, что Лёля ут-рами, отправляясь в институт, ничего не ест...

Потребности у Лели были всегда минимальными, чтобы не тянуть из семьи на себя денежные средства. Но одежда требовала хотя бы ремонта. Так например, зимнее пальто: отец привез из Петропавловска подкладку, а меховую облицовку было решено приобрести в Москве... Папа вел расчет на барахолку, рядом с Киевским вокзалом. Он хотел еще подремонтировать Сереже велосипед: «...нужно обязательно купить к велосипеду камеры и покрышки, иначе летом ему стоять...».

Возвращение свое в Петропавловск папа описал Леле в письме:

«...поезд, спасибо ему, опоздал почти на 6 часов. И я утром в 7 часов побрел по сонным улицам Петропавловска домой с чемоданом на спине и прочими свертками на груди, связанными между собой полотенцем. В это время ни автобусов, ни извозчиков не было, да и погода была отчаянная. Как и следовало ожидать, моим покупкам дома не особенно обрадовались, т.к. многого из списка, причем основного, не было».

Значит, в смысле продовольствия, и в Москве было не густо...

У Ивана Федоровича даже возникла мысль: «не проехать ли сначала в Ленинград, а уж потом домой?» – может быть, там бы можно было достичь большего?

Зато Лёля выполняет все требования Сережи в области филателии. Он уже давно увлеченно собирает марки. Это занятие захватило его целиком – 1000 штук в его коллекции. А еще ему хотелось бы, чтобы Лёля выслала пьексы (ботинки для лыж), просит также привезти домой все письма, написанные Заборовскими, за целый учебный год. Вот почему мы и можем сейчас их читать...

Папа пишет дочери: «...мы уже в мечтах о том, как поедem в Москву к началу твоих летних каникул. Хотим побыть там несколько дней все вместе и поехать в Ленинград, а уж оттуда домой. Прошу тебя: купи мне пачек 10 папирос «Пушка» и табаку рублей на 12. У нас в Петропавловске ничего нет, и все курящие страшно бедствуют».

Лёля курево отцу купила, да тут другая беда: посылать из Москвы ничего нельзя... Дошло до того, что она хотела ехать в близлежащий Можайск и отправлять оттуда табак папе.

Мама добавляет: «Ты сильно себя не утомляй. Не обязательно ведь иметь все «отлично». Береги здоровье и лучше кушай. Папа сегодня собирался ехать в командировку в Кустанай. Но что – то не сладилось...»

А Лёля по учебе все равно жмет на все педали! – ее портрет уже дважды вывесили на доске соревнований в числе передовых! Не забывает Лёля и друзей. Она пишет, что есть у нее подруга по имени Ася. Всюду они бывают вдвоем или втроем – есть еще один маль-

чик из их же группы – Валентин. «Вчера катались на катке ЦДКА, а завтра в первый раз в жизни идем на выборы!».

В конце декабря 1939 года Лёля спустилась жить этажом ниже - теперь ее комната № 127, а до того жила на шестом этаже.

Комната, в которой жила Лёля.

В своем новогоднем письме Лёля пишет: «Сегодня последний день 1939года... Предстоит новый 1940-й год, полный событий, изменений, новостей, открытий. Я помню в этот день (год назад) я была дома и думала: «Где я буду в этот день на будущий год?» Теперь я это знаю и думаю о будущем ...».

Ее подруга Ася писала стихи, которые у меня тоже
есть: карандашные наброски на пожелтевшей от вре-
мени бумаге:

По девятнадцатой весне
И мы «букварики» в Москве.....

ФОТО «БУКВАРИКОВ»

Лёля в среднем ряду вторая справа.

....А новогодний маскарад?!
Профессоров степенный ряд.
А сколько было острых слов?!
Собрание умниц и глупцов!
(Отрывки из стихов Аси)

Сессия подходила к концу. Лёля жила предстоящей поездкой домой на каникулы.

Вот уже и папа пишет последние наставления дочке: « билет обязательно покупай с плацкартой, в день отъезда дай нам телеграмму. Если приедешь 24 января утром (поезд обычно опаздывает, особенно в зимнее время) то это день выходной, и мы все тебя встретим. Если же приедешь 25 января, то встречу только я. Постель с собой не бери – обойдемся без нее. Захвати только простыню – с ними дело плохо. Зима стоит снежная, с буранами, так что на каток сильно не рассчитывай!».

Семья давно ждет дорогую сестру и дочь. Вот как готовится папа: « я сегодня приступил к созданию «кормового фонда», чтобы тебя подкормить и купил жирного гуся на базаре. Решено забронировать его до твоего приезда. Ты из Москвы захватишь сладенького, в том числе сахарку, а остальное и дома найдем».

Со слов мамы мы знаем, что отец сам побелил в кухне. Все счастье родителей было в прекрасных детях, у самих же жизнь была очень однообразная – работа, работа до усталости...

12 марта 1940г.: «...в театре и кино не бываем вообще. Все никак не соберемся. Поэтому и новости – то у нас очень скудные, будничные, малоинтересные...»

Тут еще и погода навевала на людей депрессию: «...потеплело, потекло...и опять задуло. Ветер, как из вентилятора, ставни стучат... выносил в кладовку мясо, так снегом все запырило... А Дружок запросился

было во двор – но тут же вернулся - не понравилось видно...»

Какие живые картинки! Читаю, и душа моя радуется – как в кино все вижу...

И все – таки Лёля молодец, что не побоялась пуститься в самостоятельную жизнь в 18 лет! Жизнь в столице, учеба в таком знаменитом ВУЗе так «обтесывает и причесывает» человека! Физкультура проходит в Сокольниках на лыжах: Замечательно! Едешь среди леса по хорошему снегу. Время от времени попадают горки. Мы уже сдавали нормы ГТО», - пишет Лёля.

Режим Леле пошел на пользу: она приехала в Москву с весом 48 кг, а за первый курс - пришла в норму 53,5кг.

Но неужели в воздухе начинает «пахнуть грозой»?... Вот Лёля с восторгом рассказывает в письме, что лекцию по международному положению у них в институте читал брат Свердлова. И тут же:

«у нас в институте имеется молодежный батальон, есть разные секции – стрелковая, пулеметная, школа медсестер, парашютная школа и т.д. Каждый должен куда – нибудь вступить. Я подала заявление в парашютную школу».

Папа довольно резко отреагировал: «Мне это начинание не нравится... Или шею себе хочешь сломать? Никаких справок я тебе, поэтому, не пришлю – и не ожидай! Занимайся наземными видами спорта. От земли отрывать не стоит – падать, знаешь ли, высоко! Ты не обижайся! Я свое мнение говорю напрямик. Примерно такого же мнения держится и мама. Конечно, ты взрослая и можешь с нами не согласиться ...Но

из этого не следует, что и мы с тобой должны обязательно соглашаться. На этот счет все».

Москва в 1940 году тоже была плохо обеспечена, трудно было купить мыло. А когда нет мыла начинаются всякие инфекции. Лёля пишет: «...сейчас в институте все должны сделать уколы от брюшного тифа. Если кто не хочет делать, то не дают стипендию. Я 17 февраля сделала первый укол (нужно три) – было не очень больно, вечером было больнее. 23 февраля нужно делать второй укол. Я думала было избежать, но как узнала о стипендии, сейчас же пошла и сделала. А вот Асе врач дал отвод - у нее вечно слабость, и температура пониженная 35,6. Она вообще плохо переносит трудности, и даже подъемы на лестницу вызывают у нее одышку».

И в Петропавловске с мылом плохо: «...как – то возвращаясь из кинотеатра «Октябрь» со второго сеанса мы все трое Сережа, папа и я встали в очередь (человек 300!) за простым мылом. А с хлебом тоже напряженно – мы даже попросили на днях нашу соседку Катанову спечь булочку, да у нее тесто скисло...», - пишет мама.

Мама продолжает: «...Помнишь ли ты, Лёля, когда ты зимой была у нас на каникулах, у нас в школе была комиссия. Так вот она огласила итоги своих впечатлений. Лучшими учителями, в смысле учебной и воспитательной работы, признаны Алексей Павлович Овчинников, Мария Ивановна Исаичева, Капитолина Ивановна Наседкина и Ольга Ивановна Заборовская ».

Папа с Сережей увлеклись фотографированием, которое в нашей семье являлось чуть ли не «культом».

ФОТО Городского поезда, ходившего по улице Красноармейской (ныне Букетова) снимок Ивана Фёдоровича Заборовского

ПУШКА в городском парке.

Лёля тоже посещала фотокружок в Москве, а папа из Петропавловска руководил ее начинанием: «заслуживает внимания быть заснятым подход к корпусам общежитий, с таким расчетом, чтобы можно было указать окно вашей комнаты».

ФОТО КОРПУСОВ ОБЩЕЖИТИЯ
в Москве. МХТИ.

Лёля живо описывает свою жизнь в Москве: «...встаю в 7 - 40, бегу до «Сокола», еду до «Белорусского вокзала». Добавились предметы: черчение, техническое рисование (скицирование)», теоретическая механика – читает профессор Зернов. Погода в феврале замечательная – падает снег, тихо, тепло».

Папа отвечает в тон: «...расквасило улицу, но, кроме обуви, одежду носим еще зимнюю. Только Сережа

забросил зимнюю шапку и переключился на фуражку, да и то, когда едем по воду, опять натягивает шапку...»

Напутствие отца: «...Лёля, живи, веселись, занимайся спортом, но и не забывай основного – учебы!. Это твое будущее, и это надо помнить!». Лёля помнила это всегда и многого достигла в своей жизни...

Так не хочется выходить из этого относительно уютного времени: еще не началась война, еще не заболел серьезно папа, еще мама полна сил, нагружает себя работой в школе №1 и в учительском институте. Вся семья гордится своей дочерью. Лёля на высоте, все рады за нее... Дочке передалась та же потрясающая работоспособность, какая была у ее родителей. Я думаю, родители часто говорили Сереже что –нибудь вроде того: «...учись как Лёля...видишь, что значит хорошо учиться ...настанет время, и ты тоже будешь в столице» А пока...

Папа пишет: «Сергей, начитавшись Майн Рида, украшает голову перьями и с увлечением отдается улице в каждый свободный момент. (Трудно даже представить себе, что вот такие вот мальчишки через год уйдут защищать Родину. А так было...*курсив мой.*) Однако, темпов учебы он не сдает и постоянно в рядах отличников».

Читая письма, я делаю вывод, что люди были раньше более сплоченными. Лишения что ли делают их таковыми? Достаток же, наоборот, портит?!

Мать в письме дочери дает совет на всякое письмо надо дать ответ: «...приятно, если люди относятся друг к другу приветливо. Сейчас это встречается редко, чаще всего взор исподлобья...»

Мне очень нравится, что сама мама судит о людях непредвзято. Даже о домашних животных она пишет, как о членах семьи: «Наш Друнин (это Дружок, значит) сильно болел, так что я думала: будет ему каюк! Но, молодец, оклемался...»

А вот Лелино письмо дышит свежестью: «...Сейчас 11 часов вечера. Позанималась. В комнате тихо...Женя лежит и читает книгу. Ната спит. По радио передают последние известия. У нас открыто окно. На улице третий день замечательная погода. Недавно прошел дождь, и свежий воздух наполняет комнату. Теперь первого мая будет уже совсем тепло, и от этого радостно!»

Москва. Молодость! 29 апреля 1940года Леле исполнилось 19 лет! А вот и 1 мая - кстати, это день рождения Сережи – ему 16 лет!

Лёля пишет 1 мая 1940г.: «...ходили на Красную площадь, шли в колонне студентов, видели на трибуне Сталина, Молотова, Когановича, Димитрова, Калинина. Над нами пролетали целые эскадрильи и самолеты всех конструкций: монопланы, бипланы, истребители, бомбардировщики. Летели разными фигурами. Я очень рада, что на этот раз я видела Сталина. На прошлой демонстрации, когда проходила наша колонна, его как раз не было на трибуне... И вообще я жалела, что вы не видите всего этого...»

Петропавловская часть нашей семьи отметила 1 мая много скромнее: «30 апреля был вечер для старших классов. Я была на нем по «долгу службы». 1 мая была демонстрация – с утра было холодно, а потом погода разгулялась. Было вполне по – весеннему. В этот же

день вечером я была на концерте в Доме Учителя. После официальной части была художественная. По – моему неплохая. Только я не добыла до конца. За мной зашел папа и стал торопить возвращаться домой. Мы боялись, что Сережа заснет, и нам тогда не попасть в дом... На Катановых надежды нет – они спят еще крепче Сережи».

Сережа спрашивает Лелю в письме: «по просьбе мамы: узнай! сколько может стоить летняя шляпка?».

Лёля отвечает: «Вы приедете в Москву, и мама сама по вкусу выберет шляпку. Приезжайте к моему окончанию сессии, числа 30 июня. Не сидеть же вам все лето дома! Обязательно пусть приедет и папа, а то опять начинается старое. Говорим, говорим, а потом начинает выясняться – папа не может. Везде побываем – я уже в Москве многое знаю. В июле месяце у папы еще нет уборочной и уже нет посевной. Хотя на две недели пусть возьмет отпуск».

Бедный папа так и не смог тогда приехать: «в отношении поездки в Москву вопрос разрешается благоприятно только с мамой и Сергеем. Мне же не дают отпуск в летние месяцы. Ну, ничего приеду, как в прошлом году осенью... Это тоже неплохо» .

Лёля: ...В Москве зазеленело. Кругом студгородка сплошная зелень. 29 мая с девочками мы были в кино на фильме «Груня Корнакова». Это первая цветная картина, которую я видела.

Я участвовала в кроссе «Комсомольской правды» в Сокольниках. Бежали 500метров. Я пробежала 1 минута 43 сек. (норма 1 минута 55 сек)».

Одно омрачает Лелино весеннее настроение: «Оказывается, приехать в Москву и московскую область нельзя. Студентам дают билеты по студенческим билетам. Говорят, что не продают даже перронных билетов, чтобы не было провожающих, проносящих вещи».

«В московском текстильном институте было по этому поводу собрание, на котором сказали: вы должны понять транспортные трудности данного периода времени: большинство из вас - комсомольцы и можете остаться в Москве».

4 июня 1940г.: «Сегодня сдавала химию – первый экзамен. Было очень страшно, так как сдавали, всеми уважаемому, Семишину. Настроение перед сдачей ухудшилось, т.к. все подряд «засыпались» - в том числе и Ася. Очень ее жаль. Все прошлогодние сессионные отличники получили «хорошо». Я произвела фурор – одна получила «отлично»!!!»

Как попали в Москву, как выехали оттуда мама и Сергей в письмах не зафиксировано, но все получилось! А вот если бы и папа поехал в Москву, у нас не было бы в активе таких интересных мелочей:

В Москве петропавловцев встретили Лёля и Ася.

Остановились Заборовские у Аси в комнате. У Лели же в комнате к одной студентке в гости приехал отец. Там было густонаселенно. Ася даже пожертвовала своей подушкой в пользу Ольги Ивановны. Мама всю жизнь вспоминала теплый прием Лелиной подруги, она говорила, что именно Ася нашла для нее стоматолога, к которому мама и обратилась тогда. Лёля объясняла это тем, что ей пришлось при приехавших сдавать последние экзамены, а у Аси времени было не-

впрямую, она совершенно «захвостилась» и надумала твердо уходить из этого института, поэтому не стала сдавать зачеты и готовиться.

Скоро Ася исчезнет из ближайшего окружения Лели, так как не сможет продолжать учебу в таком сложном институте. Но милые подруги переписывались потом всю жизнь, хотя бы изредка. Встречи тоже иногда бывали. Лёля хранила все стихи Аси, а у Аси всегда были слова о любимой подруге:

Я помню, как живо в Москве ты бродила

И даже однажды Станкин посетила...

Все это в памяти моей

Яснее дня. А как в твоей? - писала Ася.

А вот Сережа пишет папе: «Сегодня с мамой были в Мавзолее - очередь во всю площадь, но прошли за 20 минут! Были в кинотеатре на фильме «Большой вальс» - мне не понравился, а маме и Леле – ОЧЕНЬ!!!» Да, этот фильм была большая любовь Ольги Ивановны!

А мама шляпку по вкусу, все – таки, купила – вот она в ней на фото с Лелей, Сережей.

Вместо папы мы видим его родную сестру – Юлию Федоровну Заборовскую (по мужу Ахабадзе. ЕЕ муж, Владимир Михайлович Ахабадзе был ответственным редактором газеты «Известия» в Москве.)

№ 43 Фото в МОСКВЕ с сестрой Ивана Федорови-
ча - Юлией Федоровной Заборовской
11 июля 1940г.

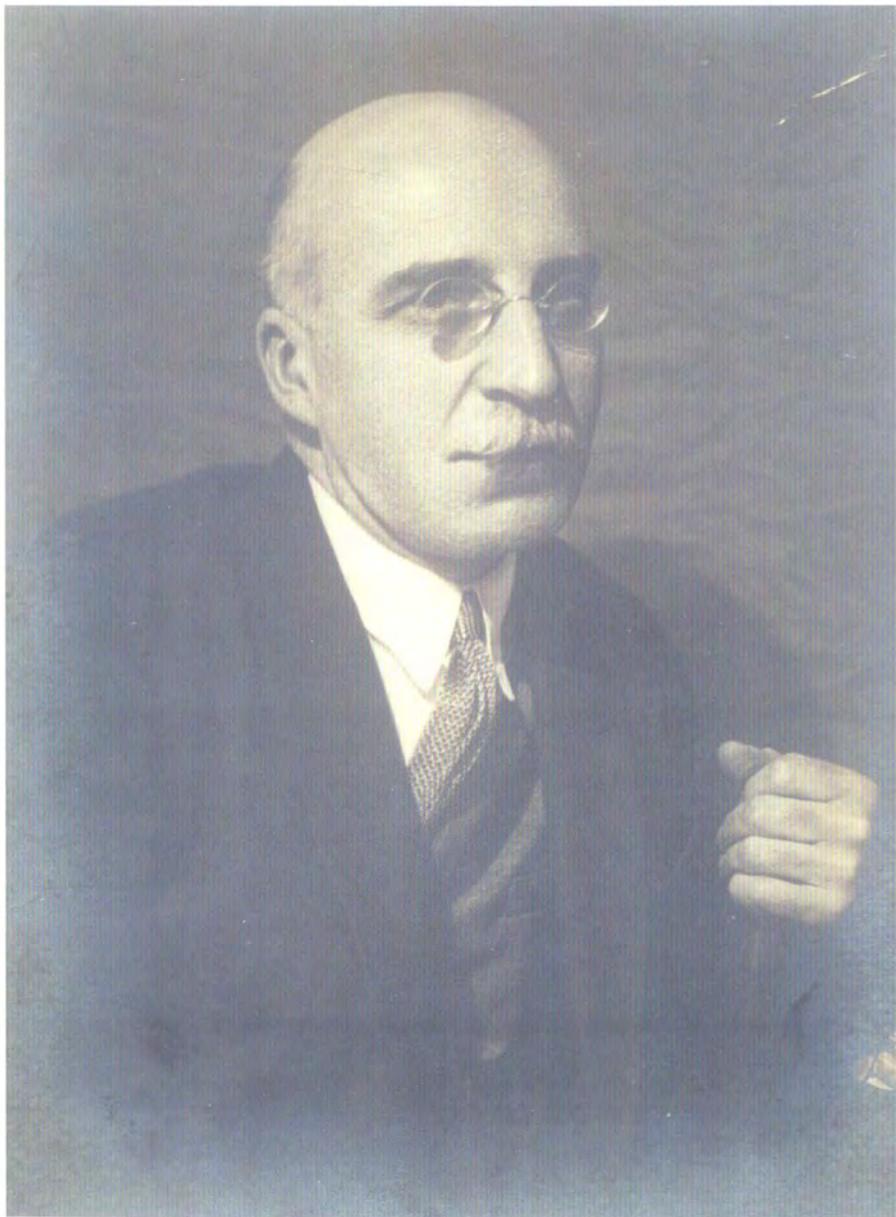
Итак, летом 1940г. Лёля вместе с мамой и Сережей выехали из Москвы в Петропавловск. Она заслужила отдых после первого курса... Очень жаль, конечно, что в то время нельзя «заглянуть».

Ведь писем домой никто не писал, а, значит, время-препровождение, встречи, разговоры, проблемы остаются покрытыми «дымкой тумана».

Но вот опять «солнце из – за туч»: 29 августа Лёля отправилась в Москву, и опять я погружаюсь в то время ...

Есть приметы, характерные только для начала второго курса. Что изменилось? Во – первых, ни стало писем из Петропавловска. Беседа превращается в монолог. Конечно, по отдельным репликам можно понять, что происходит дома. Письма из Петропавловска, видимо, просто пропали в тяжелые дни, когда нужно было спасать свою жизнь, а не бумаги...

Во – вторых, само дальнейшее обучение Лели в институте ставилось под вопрос. Как «гром среди ясного неба» вышел указ о платном обучении и отмене стипендий. Лёля пишет: «...у нас в институте ужасная паника. Многие студенты уходят совсем. Я тоже не знаю, что делать – ведь мне известно тяжелое материальное положение дома. Вам и без того трудно посылать мне 200 рублей ежемесячно. Мы еще надеялись, что будут стипендию платить нашему спец. факультету, Но нет! Все кончено и решено. Зав. учебной частью института сказал: «указ мы будем выполнять, поэтому, кто не может продолжать учиться – выезжайте из Москвы,

Владимир Михайлович Ахабадзе
(муж Юлии Федоровны)

Дорогой брату и
сестре
от мамы
20/1-20/1

Юлия Федоровна Заборовская

пока не растратились окончательно». За сентябрь – октябрь стипендию еще дадут, но беда в том, что кто останется учиться, должен до 1 ноября внести плату за обучение. У нас в группе все – таки все решили остаться с тем, чтобы учиться и РАБОТАТЬ. Но очень трудно устроиться на работу в Москве. Я тоже пойду работать – иначе нельзя. Нам обещали – если работающих наберется много, то занятия перенесут на вечер, а утром можно работать ». Этот отрывок из письма 6 октября 1940г.

В третьих, серьезно заболел папа. Из его трудовой книжки следует, что он является главным агрономом Треста (молмясо) совхозов. Стало быть, оставаясь на службе, он находится на больничном, а мама работает одна. Вот и выкрутись из этой ситуации! А сын уже в 9 классе, значит не за горами надо отправлять в ВУЗ и Сережу. Мальчишка блестяще учится... От учебы зависит будущее человека!

Дисциплина в институте с самого начала курса строжайшая! Например Вера Николаева и Юля Гордиенко опоздали на военное дело – тут же собрали комсомольское собрание и исключили их обеих из комсомола. К 1 ноября провели замену студенческих билетов и пропусков. Без билетов нового образца в институт не пропускали.

Девчата стали жить крайне экономно. В магазины вообще боялись заходить., тем более, что там наблюдалось невиданное изобилие товаров. И при этом изобилии на руки выдавали минимум: 100 грамм масла, 5 штук яиц, хлеб – 1 кг.

Подумать только - Ася вернулась в институт на второй курс. Она сумела сдать хвост по химии, а хвост по математике остался на зиму. Но Лёля все равно очень беспокоилась за подругу: вместо профессора Герценштейна по математике принимал экзамены не менее требовательный математик по имени Азриэль. Студенты говорили в шутку «Азриэль озверел!».

Куда уж Асе, с ее хвостами, сдать ему за два курса сразу!!! Асины родители к этому времени переехали в Рязань. Они ничегошеньки не знали о серьезном положении дочери в институте. Вообще она девушка с гуманитарными наклонностями. Как ее занесло в такой заумный институт?! Да еще и на спец факультет!!! Вот у Аси выходит целый сборник ее стихов «Прекрасная галерея», где в шуточной форме дается характеристика на каждого студента. В сочетании с фотографиями, которые есть у меня можно пройтись по галерее и побывать в славной группе менделеевского института. В Асиных стихах постоянно присутствует Лёля и Валентин. Все студенты знали, что Валентин влюблен в Лёлю...

Этот парень погибнет на войне. Он будет убит в самом начале войны...

Ася пишет:

Я помню, как Валька с тобой танцевал.

Как ветер нас всех на катке целовал....

Ася скоро получит нервный срыв, будет лечиться в Москве, в Рязани... Зачем все это случилось с такой

красивой и умной девушкой?... А пока - главное посвящение стихов, конечно, Леле:

АСЯ

Лелик, прости, что часто навещаю...
НО верь... что без тебя я попросту «тощаю»
Последнее время я много читала,
Но в пьесах и песнях я вас вспоминала:
Я помню Москву... И чудесный Арбат...
И тут был когда – то Сережа, твой брат!
Наверно, теперь он сильнейший из всех!
И поднимает «здоровый» он смех!
А ты, представляю! На все голоса
Звенишь и журчишь, дорогая коза!

Стипендию в институте не дают, (администрация сдержала слово!). Все живут настолько бедно, что даже на зимних каникулах никто не помышляет покинуть Москву. Дорога стоит дорого! Леле например, - в один конец- 200 рублей. Такую брешь в бюджете семьи пробить невозможно! Но так хочется домой...

Лёля продолжает идти «в гору», по всем предметам на «отлично», тайным голосованием ее избрали профгоргом факультета, таким образом, она входит в «треугольник».

И рядом Ася – она по всем предметам так «заплыла», что и догнать всех ей просто невозможно! К тому же ее разбирают на всех собраниях, упоминают фамилию во всех черных списках. Ася не знает, как сообщить об этом родителям – ведь они надеются на нее, оказывают материальную поддержку. Положение ужасное! А тут еще в декабре грандиозное празднование 20 – летия МХТИ – все подводят итоги, берут повышенные обязательства... стараются досрочно сдать

все зачеты перед январской сессией. Ужас, что творится с Асей в общежитии, в комнате...

Лёля пишет домой об Асе: «У Аси положение критическое по всем предметам, особенно по лаборатории качественного анализа. Первоначальное отставание у нее получилось, конечно, из – за лени. Затем после постановления о стипендиях и платном обучении ей загорелось ехать домой или переходить в другой институт и в тот период она ничего не делала. Запустила материал еще глубже. В деканате о ней плохого мнения. Я думаю, что если она не выправится, что очень сомнительно – ей предложат уйти из института. И ничем ей помочь нельзя... О ней пишут в газетах. Ругают на производственных собраниях. А хуже всего то, что именно я провожу профсобрания, и на каждом, мне приходится называть ее фамилию в списках отстающих. Родители по – прежнему не знают о ее таком положении.»

Лёля очень переживает за подругу и считает, что они могли бы учиться одинаково, тем более, что у Лели много времени отнимает общественная работа, а Асю освобождают от всего, чтобы она занималась. У Аси к Леле нет ни зависти, ни злости, но...Лёля по учебе впереди всех. На 20 – летие МХТИ в концертный зал Чайковского дали всего два бесплатных билета – и один из них Леле, как лучшей студентке и лучшему профоргу факультета...

На втором курсе произошло еще одно судьбоносное для Лели событие: прямо в институт приехали два двоюродных брата Лели. Приехали познакомиться. Это

были сыновья папиной сестры Антонины Федоровны - Витя и Игорь Лисовские.

Игорь приехал из Ашхабада – он военный летчик, служит на границе. Приехал в 1,5 месячный отпуск к Вите, который с семьей живет в Филях и учится на вечернем отделении МАИ, а днем работает. У Лисовских Лёля побывала в октябре 1940г., познакомилась с женой и маленьким сыночком Вити – Олегом (или Аликом).

Кузены и кузина так понравились друг другу, что даже Новый 1941 год они встречали вместе в Филях. Вот и закончился последний мирный год. Как сложилась бы судьба у всех, если бы не было войны. Не погиб бы Валентин ...не погиб бы Игорь Лисовский, военный летчик...

«Вспомним их поименно, вспомним горем своим...
Это нужно не мертвым. Это нужно живым...»

1941год

Январь 1941года начался с сессии. Лёля сообщает, что после награждения МХТИ орденом Ленина, преподаватели стали особенно «зверствовать». Тут уж не только «Азриэль озверел»...

Тут уж и «четверкам» можно было радоваться, как «пятеркам»! Во всяком случае Лёля сдала так: 7января – орг. химия - «хорошо», 13 января – физика – «хорошо», 17 января – теория механики –«хорошо», 23 января – математика- «отлично»!!! Сдала самому Хлодовскому Азриэлю – «отлично»! Лёля отмечает, что

группа стала совсем маленькой. Человек 10- 12. Остальные выбыли. Уходят слабые студенты, и среди них сверхслабая студентка Ася...

Для нее, бедной, эпопея с институтом окончилась особенно плачевно. Начальник факультета сказал ей, чтобы подавала заявление об уходе, иначе ее просто исключат. Ей еще и не повезло: когда все сдавали зачеты, она болела и пропустила их. После болезни, врачи признали у нее нервное истощение и сказали, что надо серьезно лечиться.

А было вот что-описывает Лёля: «...пришла Ася из института и сказала, что чувствует себя плохо (а у нее всегда пониженная температура). Ася легла. И вдруг стала громко плакать. Этот плач постепенно превратился в какой – то бред. Я принесла ей валерьянки. Но этот бред продолжался часа два. Иногда, моментами, она начинала хохотать, потом опять плакать. Но постепенно она затихла».

Несколько дней назад в Москву приехал отец Аси. Она ему всего не рассказала (именно о неуспеваемости). Поэтому он рассчитывает, что Ася подлечится, а на следующий год снова приедет на второй курс. Асю увезли домой, в Рязань только 9 февраля. Так что еще месяц Ася лечилась в Москве. Лёля с Валентином ходили провожать Асю. Без нее стало скучно...

«29апреля мой день рождения,- пишет Лёля домой, - я этому не очень рада, так как мне очень страшно перед цифрой ДВАДЦАТЬ...»

Этот день был у Лели очень загружен по учебе – контрольная работа по термодинамике; коллоквиум по количественному анализу. Вечером был пленум проф-

кома, на котором Лелю избрали председателем профкома факультета... Часов в 11 Лёля пришла домой.

«Сняла с подушки накидку, откинула подушку... а там подарки от заботливых друзей! Духи от Валентина. И Ася не забыла Лелю: хорошенький пояс на юбку и стихи, сочиненные к этому дню:

29 апреля 1941 года

«Леле в день рождения»

Поздравляю тебя с днем рождения,
С двадцатой весной «оперенья»!
Сегодня счастливейший день!
Подумай! (если не лень),
Что минула пятая века!
Не хмурься! Ведь ты не калека
Зачем жалеть уходящие «надцать»,
Когда приходят юные «двадцать»!
На улице снег, хоть май у дверей...
Весна и лето, бегите скорей!
Кругом знамена, плакаты, цветы –
В радостный день родилась ты!
Пусть жизнь твоя будет бурна и кипуча,
Красива, ласкова, могуча,
Тянется долго, со смыслом, умом...
Вспомни старушкой меня вечером!
Вспомни, как вместе с тобою учились,
Вспомни, как в танцах с тобою кружились!
Вспомни наш смех и игру в «корольков»,
Вспомни каток и группу «ваньков».
Талантливых там было мало,
А между тем ты не скучала.

Быть может, жизненные пороги разъединят наши дороги.

Когда – нибудь с тобою вместе мы вспомним радости и песни...

Но будем стары мы тогда...как незаметно мчат года
Ася.

Из Лелиного письма: «...1 Мая были на демонстрации Видели Молотова, Буденого, Жданова на трибуне Мавзолея. А вечером были на групповом вечере. Прошел он замечательно. Танцевали, ходили гулять на Москва – реку. 2 Мая приехали Валентин с товарищем. Решили хоть и поздно, но отпраздновать мой день рождения. Посидели у нас в комнате с нашими девчатами, а вечером большой компанией ходили осматривать праздничную Москву. 3 Мая проявляли сделанные вчера фотографии, а вечером были на картине «Закройщик из Торжка» с Игорем Ильинским Ася пишет, что скучает, лечится, ходит на процедуры... У нее увеличена щитовидная железа- от этого и все последствия».

Наш Сережа – девятиклассник в 20-х числах ИЮНЯ собирался в Ленинград. Могло ведь так случиться, что война застала бы его ТАМ! Но нет! Видимо, из-за начала войны поездка и распалась...

А пока - вот оно письмо из последних дней мирной жизни: «...20 июня 1941 года. Если Сережа поедет в Ленинград, то ведь в Москве у него будет пересадка! Пусть даст телеграмму – я его встречу. Можно будет между поездами и к нам зайти или, может быть, купим вместе ему новые брюки. На обратном пути он может

взять сахару, чтобы привезти домой. Вчера я была на сельхоз выставке ВДНХ. Все время жалела, что этого всего не видел папа! Там прямо замечательно!... »

ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА

Следующее письмо я открываю с огромным волнением...

25 июня 1941года: «...Дорогие мама, папа и Сережа!

Мне, как видно, домой ехать не придется... Сегодня сдала основы марксизма – ленинизма. Это последний экзамен сессии. Почти совсем не готовилась, так как часто вызывали в институт, дежурили по корпусам. Я СЕЙЧАС ЗАКЛЕИВАЮ ОКНА, а потом лягу спать... так как вся наша группа дежурит в институте с часу ночи до семи часов утра. Все девушки института проходят курсы медсестер. За меня не беспокойтесь! Враг, БЕЗУСЛОВНО, будет разбит! Победа будет за нами! Мы все сохраняем спокойствие, так как уверены, что все будет в порядке. Сами, в свою очередь не будем сидеть сложа руки...»

В лаконичном тексте письма чувствуется тогдашняя уверенность всех людей в скором окончании войны, а также присутствие военной цензуры.

Теперь известно, что налеты на Москву начались ровно через месяц – в июле. Студенты дежурили на крышах общежитий и института, чтобы тушить зажигательные бомбы. Конечно, Москва не должна была сообщать об этом, дабы не сеять панику в стране...

Как встретили войну в Петропавловске? Мама, в день нападения немцев, отдыхала в доме отдыха в Бо-

ровом.. Сережа с приятелями ходил купаться на оз. Пестрое. Был жаркий день... Вернулся домой Сергей среди дня. Папа в воскресенье днем позволял себе отдохнуть, он спал, отдыхая после трудовой недели... И было от чего... Рабочие дни в сталинские времена у работников учреждений тянулись с раннего утра до позднего вечера. Сразу по возвращении Сережи с купания по радио передали выступление Молотова о начале войны. Если бы не Сережа, то отец пропустил бы важное сообщение... С учетом разницы во времени между Петропавловском и Москвой это произошло в три часа дня.

29 июня 1941 года Лёля пишет: «...хорошо, что мама уже вернулась из дома отдыха. Я рада, что хоть вы все вместе!»

Бедная девочка! Как страшно ей, наверное, было во время такого испытания, быть в отрыве от дружной крепкой семьи!

Вот и мама пишет дочке: «...мы здесь живем по – прежнему. Папа, кроме службы, три раза в неделю ходит на военные занятия от 7 до 9 вечера (*возраст – то призывной – 48 лет! Курсив мой*) Я сегодня тоже пойду в Дом Учителя на занятия по оказанию скорейшей помощи. Завтра утром мы идем в школу на санитарные занятия».

«В школе у нас круглосуточные дежурства, причем преподаватели дежурят всю ночь. Я дежурила 5 июля. Сережу и весь их 9 класс отправляют на сенокос в колхоз. На днях у них начнутся военные занятия в школе для учащихся от 16 лет. В сентябре на уборочную по-

едут все. Итак, каждый из нас не останется в стороне от оборонной работы».

Петропавловск — это глубокий тыл... А останься они на Украине. Что там? Оккупация.

Лёля отвечает: «Вечером в Москве очень темно. ПОЛНОЕ ЗАТЕМНЕНИЕ. В Московских кинотеатрах идут АНТИФАШИСТСКИЕ картины «Семья Оппенгейм», «Профессор Мамлок», «Болотные солдаты» и т.д. Предполагают занятия в институте начать с 1 августа. Говорят 4 —й курс закончит институт за три месяца, а наш третий курс — за год. Многие ребята нашего института идут в артиллерийское училище...»

Со 2 июля Лёля с другими студентами работает на заводе «Газовой аппаратуры» в Москве.

«Вообще всех студентов распределили по заводам. Это происходит потому, что много рабочих мобилизовано. Работают студенты подсобными рабочими: сортируют и укладывают детали, подготавливают к приему. Работают сдельно, 8 часовой рабочий день. Вчера заработали 10 рублей. Сегодня 12. Думаю собрать эти деньги и заплатить за учебу в институт. Работать мне не трудно. На свежем воздухе. Уже загорели за эти дни. После работы идем в душ, а потом в общежитие. Буду заканчивать письмо, так как использую остатки дневного света. А электричество зажигать нельзя. Кончаю, так как пишу почти наугад».

Из дома письма тоже спокойные: «...мы сильно соскучились по тебе но надо мириться. Есть моменты, когда личное отступает на второй план. Ты благоразумна, сознаешь свой долг, а потому, конечно, соглашаешься со мной».

Лёля отмечает, что письмо пришло распечатанное с пометкой «Проверено военной цензурой».

Лёля 13 июля ездила к Лисовским в Филях. Сынок двоюродного брата Виктора, уже, всюду, бегают ножками. Он с матерью (Ниней) собрались ехать в Подольск (к Нининой сестре). Всех детей от 2-х до 14 лет отправляют в эвакуацию или на дачи с матерями вместе. Лисовские волнуются, что от Игоря нет известий. А Витя даже взял наш Петропавловский адрес, может быть его мать (родная сестра Ивана Федоровича) уедет в Казахстан? А пока от нее с Украины известий нет никаких. Сын очень переживает.

И вдруг следующее письмо от Лели из СВЕРДЛОВСКА!!!

15 августа 1941 года: «...Сегодня утром приехала в Свердловск. Поехала в индустриальный институт. Тут 5 специальностей – три мне не очень нравятся. А вот технология электрохимических производств очень хорошая! И есть еще механизация химических заводов. Но все места заняты. Вот, главное, не дают общежития. Ночую в доме крестьянина. Еще завтра пойду в институт, если ничего не выйдет – придется ехать домой!»

Ничего и не вышло. Видимо, это была разведка боем. Дела в Москве ухудшались. Так может быть продолжить обучение ближе к дому? Помню, отец сказал Леле: «Закончится война – доучишься!»

Забегая вперед, скажу словами из письма 1945 года: «... Единственный раз после 1939 года мы встретили Новый год вместе, всей семьей. И была это, встреча, Нового года декабрь 1941-январь 1942 года.

Лёля вернулась домой, а Сережа еще учился в 10 классе. Встреча Нового 1942 года – семья Заборовских последний раз в полном составе...

1942 год

Итак, война уже не кажется никому кратковременным тяжелым испытанием – она изнурительна и страшна... Казахстан – глубокий тыл... Вся семья Заборовских в сборе...

Хотя Лёля и дома, но она часто во сне слышит «воздушную тревогу» и видит кошмары: бомбежку...

Коль все дома, то нет Лёлиных исчерпывающих писем. Попробуем заглянуть в воспоминания более поздних лет.

О Леле сохранился только один документ того времени: « с 15 мая по 15 августа 1942 года Елена Заборовская работала в Учительском институте, в качестве секретаря учебной части ».

Лёля, вспоминая прошлое, пишет: «...три месяца я работала секретарем учебной части на государственных экзаменах в связи с сессиями заочников. Потом я поехала учиться в Коканд, куда была эвакуирована из Москвы «менделеевка»».

Выехала Лёля туда в сентябре, то есть когда Сережа был на распутье. Он окончил школу с золотой медалью, а в армию его еще не призвали. На распутье оказался не только Сережа, но и вся семья: и Лёля – ехать - не ехать в Коканд? (послушаться папу и доучиваться после окончания войны? Но когда она кончит-

ся? Сверстники отучатся, а Лёля, может быть отстанет настолько, что никогда уже и не вернется к учебе...). Самого папу в конце сентября отправили в Кызыл Аскерский совхоз. Стало ясно что семья из трех человек (папа, мама и Сережа) переберутся постепенно туда. С квартирой на ул. Кирова придется расстаться...

Какое голодное, холодное и страшное время...

Ася из Рязани вместе с матерью тоже эвакуировалась в Туркестан. Восстанавливая по крупицам все сведения о ней, можно уверенно сказать, что в сентябре 1942 года она начала учебу в Рязанском пединституте. Но проучилась лишь два месяца – началась эвакуация мирного населения из Рязани.

Лёля очень не хотела оставлять родной институт, хотя понимала, что ехать в Коканд, за тридевять земель – это утопия! Она, проезжая Новосибирск, попробовала позондировать почву – возможно, в Новосибирске можно устроиться в родственник институт? Вот ее письмо от 1 сентября 1942года:

«...В приемной комиссии выяснилось, что для лиц женского пола сроки набора закончились, а для лиц мужского пола прием продлен до 10 сентября. Я так обрадовалась, когда мне разрешили написать заявление от имени Сережи!!! Может быть, хотя бы Сережа сможет учиться близко от вас? Но как только в комиссии увидели, что Сережа с 1924 года рождения, сказали: есть ПРИКАЗ НЕ ЗАЧИСЛЯТЬ АБИТУРИЕНТОВ с 1924 года рождения, особенно иногородних. Объяснили: смысла нет. Ну, поучится он неделю – другую, а потом его обязательно заберут в армию. Так лучше пусть заберут из дома».

Так и случилось... Сережа вспоминает: что он шел по улице Кирова, а навстречу ему – почтальон. Повестки на фронт ждали каждый день, поэтому Сергея что – то толкнуло в сердце: не ему ли несут листочек казенной бумаги? Глядь, а почтальон завернул в их двор...

Папа уехал в Кызыл Аскер, а Сережа с мамой паковали вещи, чтобы ехать туда тоже... Сереже увидеть новое место жительства не пришлось...

4 октября 1942 года мама проводила Сережу. Вот оно историческое письмо, пишет его мама отцу в Кызыл Аскер:

«...держались мы оба при прощании дома и на вокзале стойко. Однако тяжело... Успокаивает меня только то, что Сережа попал в Семипалатинск, в эвакуированное туда Тамбовское военное пехотное училище. Я уж рада, что на фронт их отправят через полгода(?) Как твои дела? Меня беспокоит, что ты уехал не совсем здоровым... Как дела с питанием и прочими условиями жизни? Подвигается ли ремонт нашей квартиры? Пиши обо всем откровенно. Обещаю не ворчать.

Я с 1 октября уже не работаю, но увольнения еще не оформила. Перед отъездом я сфотографировала Сережу. Ты проявишь потом...»

Интересно, что Валентин был где – то по близости с Семипалатинском. Они с Лелей переписывались. С Асей переписка тоже не останавливалась, Она писала о Валентине: «Как я рада за Вальку! Он еще не на фронте и, главное, так близко от тебя! Может быть увидите! Как это все продумано судьбой!!! Жаль, что у меня не осталось ни одной фотографии Вальки... Ин-

тересно каким он стал? Наш Валентин - и вдруг гвардеец! - так дико слышать! »

АХ, ВОЙНА, ЧТО ТЫ, ПОДЛАЯ, СДЕЛАЛА...

Война разметала всех: Лёля на пути в Коканд, Сережа в училище г. Семипалатинска, Ася из ласковой, березовой, есенинской Рязани уехала в Туркестан, старшее поколение Заборовских в Кызыл Аскере.

Асино письмо: «...от папы мы до сих пор не имеем ни строчки. Где он? Что с ним? Единственная моя радость состоит в том, что я устроилась работать в железнодорожную узбекскую школу. Работаю в 5-7 классах учителем русского языка. Мама пока здорова, но каждый день плачет: то о папе, то с базара придет (цены ужасные – и опять плачет). Живем мы в углу в семье узбеков: старик, старушка и сын 30 – ти лет. Расходился этот сын с женами дважды, сейчас холост и ищет жену.

Моя мама достала фотокарточки: папину и твою, Лёля. Я, как подойду к зеркалу, так и увижу тебя, мою дорогую «чертулю». Мне не дают скучать узбеки. Но нет ни одной личности, на которой, хотя бы на час, можно было бы остановить внимание. Все прямо без обиняков спрашивают: « У вас есть хозяин? Моей будешь? Пойдем в кино в выходной? Боже мой! Скорее бы домой!...»

Лёля не смогла сидеть вторую зиму дома – боялась отчисления. Она решила, что надо ехать в эвакуированный институт МХТИ, в Узбекистан. Подумать

страшно – почти без денег !С одной только тягой УЧИТЬСЯ! –Лёля, как листок, сорванный ветром закружилась по военным дорогам, вокзалам, городам... Первый из них был Новосибирск

Военизированных ВУЗов в Новосибирске не было. С билетами в городе тоже тяжело – сидят на вокзалах люди по несколько суток!

Какая – то артистка в Новосибирске на вокзале через экспедитора достала два места. У Лели был выбор: либо ждать выезда, неизвестно сколько суток, либо покупать билеты с огромной доплатой! А денег - то в обрез! почти нет...

150р. - доплата до мягкого вагона, а 100 р. – экспедитору». И осталась она с 53рублями... Вообще посыпались непредвиденные расходы: - взяли 34рубля за лишний вес клади.

Первая часть пути прошла хорошо: в мягком вагоне, безусловно, едут люди состоятельные, орденоносцы, в покупках не стесняются...

«...В нашем купе – муж (военный), жена и ребенок. Он носит кипяток со станции. Пока все хорошо, еду «культурно и грамотно», как говорит агроном, сослуживец папы».

Новосибирск – Ташкент это самая длинная часть пути... В Ташкенте Лелю ждала пересадка. И она со страхом думала, что там тоже за что – либо придется платить. Но пришлось заплатить лишь 12рублей носильщику. Вещи уж очень тяжелые, да еще и случились непредвиденные обстоятельства... Но обо всем по порядку.

В Ташкент Лёля приехала 5 сентября 1942года в 9 часов вечера. Поезд на Коканд уходит в 12 часов ночи. А касса начинает работать за 2 часа до отправления поезда. И вдруг объявили по радио, что без справки о санитарной обработке билеты продаваться или компостироваться не будут.

А за час разве можно найти баню, вымыться, погладить белье и вернуться?

Лёля пишет в письме: «...мы с одним железнодорожником огромными усилиями добыли справку о санобработке, но тут кончились билеты. Решили мы ехать «без компостирования».

Мне это опаснее, чем ему, т.к. у меня даже на штраф нет денег. А тут через 5 минут должны дать отправление. Вещи от вагона далеко. Пришлось на последние гроши нанять носильщика. Он нес вещи бегом. Сесть в вагон удалось, а на одной из станций железнодорожник выскочил и закомпостировал билеты. **РОВНО ЧЕРЕЗ 5 МИНУТ** по вагонам прошел контроль!!! Вот это удача!

От Ташкента до Коканда 341 км.

«...Приехала я в Коканд 6 сентября 1942года. И так, добиралась я сюда ровно неделю... Расположился наш институт в четырех зданиях. Зданий общежитий еще больше. Все они в разных частях города. Пока я живу на улице Мескина, 44. Студенты рассказывают мне как трудно им жилось прошедшую зиму. Сейчас кормят один раз в день – в обед. А утром и вечером как сам можешь...Обед: на первое – ЗАТИРУХА, на второе – совсем сухая вареная лапша. И все! На весь день! Остальное время студенты что – то покупают, по средст-

вам. В общем, все боятся думать о зиме. Зимой здесь холодно, сыро, пронизывающе... Сейчас многие студенты болеют ЖЕЛТУХОЙ, некоторые болеют МАЛЯРИЕЙ. А зимой болели ТИФОМ. Студенты худые... А мой старый товарищ, Ваня Силенко, выглядит неплохо – он заведующий столовой от профкома. У Вани я одолжила 50 рублей. А то прямо хоть «репку пой»! Извините, что я прошу у вас выслать телеграфом деньги, потому, что я боюсь сразу ослабеть и заболеть чем –нибудь, вроде желтухи. Женя Шатловский недавно умер от полученных на фронте ран. Умерло несколько профессоров от голода и болезней с других факультетов и наш профессор Зернов. Наши толстые преподаватели стали худыми – прямо не узнать! Город производит хорошее впечатление: зеленый, чистый, особенно центральная его часть. Почти все улицы мощеные. А старый город: плоские крыши, внутренние дворы... То здание, в котором я сейчас живу, в самом начале старого города. Во дворе у нас колонка. Вода артезианская. Машин мало, лошадей тоже, в основном ослы, и в упряжке, и верхом на них ездят. Узбечки ходят в парандже, в общем, национальное, выражено ярко. Студенты продолжают прибывать: из Горького, Саратова, Куйбышева - много народу, поэтому все дорожает: виноград -20р. килограмм, персики – 15р. урюк 40 – 50р. простокваша 3 р. – 1 стакан (утром приходится покупать). Здесь очень трудно с топливом, а топить надо зимой – 2.5 месяца. Хлеба дают 400г в день. Абсолютное большинство студентов стали донорами, чтобы получить 800 г хлеба. Многие приезжают из Москвы и Подмосковья – мне от этого приятнее, что не одна я

«притащилась» сюда... Иногда жалею, что приехала, а иногда думаю, что все утрясется... Ожидаются еще приезды – все не рискуют сидеть вторую зиму дома. На днях в Коканд приехала Нелли Бахаревиц, причем с пожитками и с обоими родителями. Они приехали из Георгиевска (вторично эвакуировались). Частично ехали, частично шли пешком – добирались 1,5 месяца. Очень измучились. Нелли стала весьма худенькая – а раньше была «бомбой». Все дело в том, что на ней была вся нагрузка в пути: мать сильно заболела, а отец у них всегда на костылях. Сейчас они нашли квартиру, пока не обосновались, но потом им будет легче. Здесь вообще многие студенты живут если не целыми семьями, то хотя бы с мамами. Родителям ведь надо было все равно эвакуироваться куда – то так поехали туда, куда надо сыну или дочери. Я ведь приехала в Коканд с 5 рублями. Из них расплатилась за камеру хранения. Хуже всего с питанием: приходится кушать только в обед, а утром и вечером один хлеб (и то, если он есть), иногда пустой чай. До 1 октября надо внести 200 рублей за обучение. Я знаю, что будет трудно, но пока у меня одна надежда на вас. Иначе никак нельзя, раз уж я заехала сюда. На улице ветер и ужасная пыль. А у меня еще кровать стоит возле окна, а стекло выбито. Так что постель покрыта слоем пыли, стряхнешь – через час опять, то же самое»....

«Большое спасибо за 150 рублей. В момент получения денег у меня было всего 25 рублей от продажи чая, который нам выдавали от института. Я решила, что и без чая обойдусь. По примеру многих. Я – староста группы, меня назначил деканат. А группа наша - всего

4 человека. И так на всех специальностях. На всем нашем факультете на 3 курсе столько человек, сколько было в одной нашей группе до войны. Учебников нет. Каждое утро боимся проспять на лекции, т.к. часов у нас нет, а надо к 8 часам быть в институте. Есть часы на руке у одной из девушек. Но утром рука с часами под одеялом. Будить неудобно, т.к. ей на занятия к 2 часам. Радио тоже нет - живем как на необитаемом острове. Хуже всего, что не хватает хлеба. Основная часть идет за обедом, потом вечером. А на утро не остается – идешь не евши! На базаре дороговизна! (лепешка 10 р.)»...

СЕРГЕЙ И ЛЕЛЯ. ВОЙНА.

Петропавловск. Вокзал. Мать прекрасно отдавала себе отчет в том, что может быть видит сына в последний раз...

К тому же, капитан Потехин построил призывников, и прямо при матерях и родных, провожающих своих детей, держал патетическую речь о защите Родины, об ответственности перед народом и страной этих вчерашних мальчишек. Причем капитан не был оратором, (ведь не каждый умеет говорить перед таким скоплением народа, в такой ответственный момент). Поэтому он особенно нажимал на трагическую часть своей речи. Выражениями типа: «...Конечно, вы не все вернетесь с поля боя...», «отдавая свою жизнь за Родину...» - Потехин способствовал «взвинчиванию» настроения массы людей (значительную часть прово-

жающих составляли матери молоденьких ребят призывников).

Потом вскомандовали: «По вагонам!», и поднялся страшный гул – кричали слова прощания, ничего нельзя было разобрать. Потонул в шуме и Сережин голос. Он видел свою мать, но она не слышала его, да и видела ли в этой кутерьме?!

Надо сказать, что ребята, в свои 18 лет, выглядят очень по – разному: рост, физическое развитие, но все – таки еще мальчишки, как бы зрело они не выглядели! Сергей же до 18 лет рос очень слабо, «рванул ввысь» он лишь после 20-ти лет... Когда же он пришел в военкомат по повестке, военком взглянул на него и ухмыльнулся в усы: «Это что, тоже красноармеец?», – таким юным он показался тогда...

Сколько слез пролила мама, представляя себе, что на такого мальчика выйдет какой –нибудь здоровенный, обученный фриц... Получив письмо с фронта, она рыдала, каким бы ни было содержание письма. Соседки по КызылАскерскому совхозу увещевали Ольгу Ивановну: «Радоваться надо! Письмо от сына пришло – значит он жив – здоров!». А у матери была одна мысль: «письмо, написанное его рукой здесь, а самого уж, возможно, и в живых нет. Для такого исхода нужна одна секунда...»

Но это было потом, а пока особое беспокойство вызывала Лёля, голодающая и замерзающая в Коканде. Сергей же 10 октября прибыл в Семипалатинск, а 22 октября 1942 года он с товарищами был принят в Тамбовское Краснознаменное военно – пехотное училище, (эвакуированное в Семипалатинск). Условия жизни

там конечно были военные, жесткие, но хоть ребята не голодали и (пока) были защищены от пуль и снарядов. Это главное. У старых родителей, больных и голодных теплилась еще слабая надежда на то, что за те полгода, которые были «подарены училищем вчерашним школьникам» враг будет разбит... война закончится...

Сохранилась маленькая выцветшая карточка мамы в годы войны – она дошла до крайнего общего и нервного истощения. Из темноты глядит на нас прямо – таки 70 – летняя старуха: изможденная, изборожденная глубокими морщинами. Не только голод (бывало, что ели картофельные очистки, которые не выбрасывали, а замораживали и при необходимости варили), но в основном, тоска по детям сделали ее такой. Иван Федорович, сам имевший инвалидность, проводивший день и ночь на службе, смотрел как тает и угасает его жена... а было ей тогда всего 53 года.

1 ноября 1942 года в училище начались занятия, а 7 ноября новобранцев привели к присяге. В ноябре (особенно к концу месяца) в этих местах бывал уже неслабый мороз. Но это не имело значения: одна нательная рубаха... обмотки... и вперед! утренняя пробежка! Сергей вспоминает, что умудрялись как – то не простуживаться! Из многих лиц курсантов Сергею особенно часто вспоминался курсант по фамилии Бриллиант (скрипач, еврей). Досталось малому от офицеров, проводивших занятия с молодыми бойцами. Старшина роты Скобелев перед строем объявлял: «...за допущенное нарушение по статье... 2-наряда вне очереди!». Курсанты между собой так и называли Скобелева – «статья».

Помощник командира взвода (помкомвзвода) Езов тоже не обходил «музыканта» вниманием. А уж ком.взвода лейтенант Кугаевский (фронтовик, вернувшийся из госпиталя) постоянно твердил всем ребятам: « Я вас НАУЧУ!», с ударением на середину слова! Лишь только Бриллиант совершит оплошность – очередное наказание! И какое! ручной хромированный пулемет Дегтярева, на котором видна каждая соринка нужно чистить при всех. У новобранца уж пальцы не гнутся, а все курсанты должны стоять и смотреть. Да...на войне, как на войне...

Фронт требовал живой силы, и училище окончить не довелось. Все курсанты в две очереди были отправлены на фронт через 4 месяца после начала учебы (по военному времени срок обучения в училище – полгода). Из пяти учебных батальонов три батальона отправили на фронт рядовыми, не дав им офицерских погон.

Осталось два батальона, в одном из которых обучался наш Сережа. Решили хоть этих доучить. Судьба повторно хранила Сергея...

Заглянем к Леле в военный Коканд: «...через четыре-пять дней после приезда в Коканд я села на «мель» в смысле денег, крепко и основательно. Стала одалживать понемногу, т.к. много ни у кого не займешь. Пока я получила из дома 150 рублей, собрался уже порядочный долг. Опять отдала и...опять старая история. Тут еще тем, кто не внес 200 рублей за обучения до 1 ноября не дали пропуск в столовую, чем отсекли последний источник еды. Я очутилась в тупике, но нам предложили написать заявление на имя директора с просьбой дать отсрочку до 10 ноября. Мне ничего не

оставалось делать, как подать... Вот сегодня на обед по случаю воскресенья одна ЗАТИРУХА. Поэтому сегодняшней хлеб 400г тоже закончила... Впереди вечер... и завтра голодное утро... Часто я обращаюсь мыслями к зиме, когда с базара исчезнет сравнительно дешевая зелень и останется баснословно дорогие молочные продукты... Сейчас я с нетерпением жду денег от вас, которые решат мою судьбу в смысле столовой, да и вообще учебы. Откровенное признание, не правда ли? Настроение у меня неважное из – за постоянного голода. Кроме того, девчата в комнате только и говорят, где купить из еды, как достать сколько стоит, на сколько хватит... И такие разговоры куда ни пойдешь! Сравнительно хорошо живут студенты – доноры, они получают 800грамм хлеба. Я тоже думала насчет этого, но врач сказал, что у меня, итак, малокровие. Донорством можно поправить положение «на другой бок».

Но как же жаль: быть уже в институте, и уехать вновь!!! Я только боюсь, что вы просто не сможете вытащить меня. У меня прямо сердце болит и совесть мучит, что приходится тянуть с вас немалые средства. Наверное, мы не сможем это выдержать, и я пока воздержусь вносить плату за обучение. Буду ждать телеграммы от вас – и лучше уеду на эти деньги отсюда, хотя мне не хотелось бы делать этого, да и институт будет очень возражать. Студентов собирается все больше, но в основном на 1 курс (много местных и окружающих районов).

Слушаем и записываем лекции. Прорабатывать их совершенно некогда: вечерами нет света. До вчерашнего дня свет был в читальном зале, но вчера и там вы-

ключили, так что теперь заниматься негде. На обед стали давать кашу из пшеничной сечки, и даже иногда поливают молоком. Вечером покупаем один стакан простокваши, иногда редьку.

Поговаривают, что мы поедем на хлопок. Надо починить свои ботинки, а то до сих пор бегаю в босоножках. А они еле держатся, но скоро пойдут дожди. Солнце днем еще очень горячее.

Мы здесь очень много пишем, поэтому, если вы решите, что материально мне здесь можно остаться, то вышлите мне бандеролью ненужные папины плакаты, штук 15, я нарежу их на тетрадки самодельные, а то нам тут выдали по одной 12- листовой и все!»

6 ноября 1942года: «...6 ноября нас послали на уборку сахарной свеклы. Шли мы оттуда пешком 20 километров. Последние дни погода испортилась: такой холод и ветер! Возвращались мы по грязи, а в одном месте пришлось переходить арык босиком, а вода уже ледяная. Пришли со свеклы – сразу в баню. А после бани такой холод в комнате! Единственная отрада: за время пребывания на свекле у нас скопилось по 2 кг хлеба. Вчера и сегодня едим хлеб вволю и радуемся! Питание в столовой продолжается в том же духе: один раз и плохо! В колхозе мы хоть отдохнули от нашей столовой – давали рисовую кашу и рисовый суп плюс 600грамм хлеба.

Здесь же ни условий, ни сил заниматься у меня нет! Сейчас сижу по пояс в кровати, т.к. вынуть ноги из – под одеяла невозможно: моментально замерзают, руки едва слушаются, пишут медленно, каракулями. На себя надела юбку с кофтой, красный халат, а сверху

ватный жакет. Комната огромная и высокая, без всякого отопления - это бывшая мечеть. Обещают на днях дать железную плитку, но какое от нее может быть тепло на такую огромную комнату?!

Отсутствие места, где можно было бы согреться угнетает. На улице сыро, грязно, идет дождь, а вчера выпал первый снег. Днем он, конечно, растаял, но наделал еще большую грязь. На улице – холод, дома – холод, лезешь в кровать- холод, пока согреешься – постучишь зубами! Нас «успокаивают» - это еще не зима, будет еще и тепло...»

Родители посоветовали дочери вернуться домой - хотя бы дочь оставить в живых, не то пропадет ни за грош!

Лёля пишет: «...хорошо, что я не внесла еще плату за обучение. Не знаю, как я поеду в демисезонном пальто? У вас уже, наверное, настоящая зима? Но если вы к поезду пришлете грузовую машину, то с ней может быть вышлете что –нибудь теплое. Я очень бы хотела оказаться дома. Очень хочется картошечки, я по ней так соскучилась...»

Война! Будь она проклята!

ДЕКАБРЬ 1942 года

Конец года ознаменован тремя телеграммами:

«...Выезжаю Коканда Лёля»

Вагон был полон. Пришлось Леле залезть на багажную верхнюю полку и... как можно меньше движений! Так как голодная и с собой совсем нечего есть! Как назло соседи были со съестными припасами и то и

дело присаживались покушать. Были они очень приветливыми людьми и звали: «Девушка, спускайтесь к нам кушать». Лёля, стиснув зубы, отвечала: «Спасибо. Я сыта» или «Спасибо, я уже покушала».

Телеграмма из Барабинска 4 декабря:

«...Выехала из Новосибирска. Поезд 97. Лёля».

Бедная девочка! Я представляю какие муки голода она испытывала! А в мыслях, конечно, было одно: скорее бы оказаться на родной станции, увидеть встречающего папу и покатить с ним в неизвестный совхоз, в неизвестный дом, который согрет домашним теплом. Встретят Лелю знакомые с детства буфет, письменный стол и книжная полка. Уговорились с родными, что Лёля сойдет на станции в Петухово. Именно туда должен был прислать транспорт папа. И все – таки Лёля оставила несколько копеек на случай, если папа вдруг почему – нибудь не встретит.

Так и получилось... Представляю себе Лелино разочарование, когда она не увидела на перроне родного лица. Пришлось идти к кому – то на квартиру... И вот последняя отчаянная телеграмма:

Приишимский район Боголюбово Кызыласкерский совхоз агроному Заборовскому:

«Сижу Петухово Присылайте транспорт Лёля»

У Лели уже не было сил сидеть. Она залезла полежать на палатках. Там она увидела, что у хозяев на печке сушится пшеница. Бедняжка стала жевать эту твердую пшеницу, превращая ее в жвачку. Голодавший долго до этого желудок не смог справиться со столь грубой пищей, и у Лели еще до приезда папы, заболел живот, поднялась температура. Кто знает, что дальше

было бы с ней, если бы не подрос папа. Он подогнал лошадей с санями, укутал дочь в тулуп, и она покатила с отцом по санному пути в неизвестность...

Дорогу до Кызыл Аскера Лёля помнит плохо. Она временами теряла сознание, временами возвращалась в действительность. Но она знала, что теперь можно хоть немного расслабиться и переложить часть своих бед на родное плечо.

По выздоровлении, Леле удалось устроиться на работу в совхозе. Хорошим подспорьем к заработку ей была - фотография. Фотографов в совхозе не было, а всем хотелось послать своим мужчинам на фронт фотокарточку. В начале войны было очень много солдат, которые знакомились со своими детьми по фото. Были такие и в 1943 году. Были эвакуированные люди – разные встречались ситуации...

Теперь все мысли отца, матери и сестры были направлены лишь к Сереже. Оставшиеся в училище 2 батальона, в одном из которых находился Сергей продолжали учебу. Их – то должны были доучить и отправить на фронт офицерами.

Но судьбе было угодно распорядиться иначе.

1943 год

Нет! Так и не доучили ребят: 23 февраля 1943 года их отправили на фронт рядовыми.

И хотя фронту нужны были люди – до фронта солдат из Семипалатинска везли ровно месяц! Хотя по масштабу карты видно, что достаточно было и недели. Может быть, его высочество СЛУЧАЙ держал их для

каких – то славных дел? Сколько народу полегло за этот месяц!!!

В пути было много драматических моментов. Например, дорога на фронт лежала через Петропавловск. Подъехали к вокзалу ночью. Каково это – быть на станции родного города, совсем недалеко от своих и удержаться, не сбегать попрощаться (тем более, что загнали состав в далекий тупик (значит надолго). Может быть, то и спасло Сергея, что вся семья жила тогда в Кызыл Аскере. Должно быть, это несколько уменьшило горечь и трагизм ситуации. Если бы семья была тут, кто бы не рискнул?! И вот был такой солдат – Пашка Фигурин, который побежал домой. Состав уехал без него... Его разыскивали, как дезертира, а затем отдали под трибунал. Что было с ним дальше, по военному времени, можно только догадываться... Но ведь мальчишки – такой народ – им все нипочем!

Трое суток эшелон стоял в Москве, в районе Белорусского вокзала. И вот уже на третий день, Сережа не выдержал, и самовольно съездил к сестре отца - Юлии Федоровне Заборовской (Ахабадзе). Разочарование – ее не оказалось дома. Он покружил вокруг знакомого дома (в 1940 году он приезжал с мамой в Москву к Леле в МХТИ, и все они вместе разыскали тетку и сфотографировались на память...

Сергей оставил в двери прощальную записку. Но в этом, опять же, было его спасенье. Если бы тетя Юля оказалась дома, напоила бы чаем, поговорили бы о том, о сем... Сергей тоже мог оказаться под трибуналом. Когда он вернулся на Белорусский вокзал, их эшелон отправился через полчаса на фронт.

Вспоминает Сергей Заборовский: «...на фронт я попал в 20-х числах марта 1943г. На станции БРЫНЬ высадили нас в чистое поле...в снег. Лишь на другой день нам сменили обмотки на валенки. В деревне Чамзинка помыли в бане, выдали паек и, для поднятия боевого духа, даже показали фильм «Антоша Рыбкин»».

Из вновь прибывших образовали 108 бобруйскую стрелковую дивизию, 539 стрелковый полк, 4 рота вот место дислокации Сергея.

26 марта 1943года: «...копали окопы в полный рост. В ночь выставили боевое охранение, вперед на 150 метров, 2 пулеметчика. В первую же ночь они попали в плен. Не умели ребята еще воевать, немцы же действовали незримо и грамотно».

7 апреля 1943 года занята первая оборона между городами Козельск и Сухиничи. Сергей был связным от 4 – й роты.

В апреле 1943года агронома Заборовского И.Ф. от работы в КызылАскерском совхозе освободили и назначили главным агрономом Госживтреста с зарплатой по смете и предоставлением в городе Петропавловске жилой площади по адресу ул. Папанина, 77 (в здании Госживтреста совхозов), был предоставлен транспорт для перевозки семьи и багажа из совхоза.

И вот опять наши многострадальные буфет, письменный стол и книжная полка, а также дубовый стол и 4 стула погружены на машину и перевезены назад в Петропавловск...

Лёля не забыла свою подругу Асю, хотя она по –
прежнему живет в Туркестане. Переписка продолжает-
ся:

Ася пишет: «...Моя дорогая Лелюсенька!

Я наконец получила от тебя подробное письмо!
Много, много воды утекло, моя родная, за эти месяцы.
Многое изменилось, и мы сами изменились, и наше
положение

С тех пор так много изменилось, и я, как будто
утомилась...

От всех и всяких воспоминаний и многолетних изы-
сканий...

По «девятнадцатой весне» и мы – «букварики» в
Москве...

А сколько было острых слов, собрание умниц и
глупцов...

Теперь совсем иное...и солнышко другое.

И люди здесь иные, хотя и молодые.

О! если бы могла я и умела, чудесную бы арию
пропела

О здешних нравах и умах, о диких мыслях и сло-
вах...

Лелик! Пока в Туркестане нет жары, но летом, го-
ворят, жара доходит до 60 градусов. Здесь нет ни реки,
ни озера. Но мы все – таки надеемся выбраться отсюда
до жары.

Здесь, в этой «дыре» я, конечно, лучший препода-
ватель в школе. Но трудностей много. Учю узбекский
язык. В 6 часов по – московскому времени, я начинаю
работу. У меня 18 часов в неделю. Я работаю с 15 де-
кабря. Уже получила первые заработанные деньги.

О школе. Дисциплина ужасная. Директор не пользуется авторитетом ни у учителей, ни у учеников. Он имеет 7 классов за плечами. Завуч совсем без образования. Остальные учителя нашей семилетки, в лучшем случае окончили педагогический техникум.

Письмо твое получила в обеденный перерыв. Приходит маленький узбечонок и говорит мне: «Эй! русский – пляши!»

-Что такое?

-Да вот,- говорит,- письмо есть.

Тебе готова я писать и день, и ночь вторую...
Но надоест тебе читать - я крепко вас целую!
Жду от вас замечаний, откровенных излияний,
Жду критики, но без «политики»!»

Имено на адрес ул. Папанина (ныне ул. Мира), 77 Лёля получила известие о гибели Валентина. Она сообщила Асе о том, что их друг, с которым они проводили время «буквариками» почти неразлучно, УБИТ.

Наша милая «стихоплетка» и тут откликнулась на смерть друга стихами:

31 мая 1943г.:

Лёля!

Когда встает воспоминанье о том, кого давно уж нет

И на твое на тихое призыванье не зазвучит его «привет».

Я станет сердцу тяжело – больно, как камень на груди, печаль,

Мне хочется к тебе невольно, от всей души тебя мне жаль...

Я думаю, что прах героя лежит в Москве, на родине второй

О чем он думал – милый, одинокий, раненый, больной?...

И может ты придешь когда – нибудь печально, к нему на камень гробовой-

И вновь придет воспоминанье, бывое все восстанет вновь...

А ярче всех последнее свиданье, но ты не плачь, не плачь, мой друг!

Я верю: около могилы найдешь ты крошечный цветок,

Он скажет нежно, даже мило: «ОДНУ ТЕБЯ ЛЮБИЛ ВАЛЕК!»...

Вот и все что я могу тебе сказать. Может быть не совсем удачно, а может быть и просто жалкий намек на поэзию, но все свои мысли я высказала. Я думаю, ты меня хорошо понимаешь...

Я не вижу дней! Работа, работа и еще раз работа... Папа тоже работает в школе. Я вчера получила письмо и фото Кости из Самарканда – просит не отвечать ему – едет на фронт! От Гриши тоже получила письмо – он окончил танковую школу в Нижнем Тагиле и едет на фронт...

Ну, кажется рассказала обо всем. Целую в носик. Ася».

Ах, война, что ты, подлая, сделала?!

Стали тихими наши дворы...

Наши мальчики головы подняли –

Повзрослели они до поры...

На пороге едва помаячили, и ушли за солдатом солдат!

До свидания, мальчики! Мальчики!

Постарайтесь вернуться назад!...

Где – то на пыльных дорогах фронта Сережа?...

3 июня 1943года заняли вторую оборону.

И вот! Вперед! на Брянск! На Карачев! Находились в резерве фронта, и вдруг проснулись от артиллерийского огня: 6 июля немцы нанесли сильнейший удар, им хотелось загнать русских в котел и отрезать путь к отступлению. КУРСКАЯ БИТВА- это о чем – то говорит каждому человеку!!!

До 12 июля оборонялись, а с 12 июля пошли в контрнаступление от деревни Ячная, да так, что не могли догнать отступающих немцев. Двигались по Орловской области...

16 июля 1943 года 11 армия вступила в ожесточенные бои, которые не стихали до 23 июля. Затем отошли на отдых. Отдохнуть не удалось, так как Сергей угодил в 157 медсанбат по небольшому ранению, он называл это небольшой «царапиной» (может быть не хотел беспокоить родителей)

В постоянно сменяющейся обстановке из медсанбата Сергей попал уже не в 4 – ю роту, а в 6-ю к лейтенанту Варехе 1 августа 1943 года

Что за красавец был этот мужчина Виктор Вареха! Видимо, его внешность была настолько яркой, что запоминалась всем без исключения! И чего греха таить –

любил прихвастнуть перед мальчишками , рассказать о своих победах над женщинами! Но в ночь на 12 августа – пуля – дура шлеп! точно в лоб лейтенанту! – и нет Варехи! Сережа вспоминал как это страшно, только что был жив человек, и вот он - лежит бездыханный, и жизнь медленно покидает его... Да! Смерть не хочет щадить никого...

13августа 1943года в один из жарких боев «этой страшной мясорубки» - Курской битвы-шли в наступление при взятии города Карачев Брянской области. А наступление это что? С криком «Ура!» вперед на врага, за Родину! За Сталина!. затем все падают... и опять Вперед!

Сережа уже приобрел некоторый военный опыт в действиях, за прошедшие полгода, и что – то ему подсказало, что за ним охотится снайпер: слишком уж близко свистели пули у уха, у виска...Когда в атаке, очередной раз залегли бойцы, Сергей подумал: «вот сейчас я встану, а этот проклятый снайпер уже ждет меня в той точке, в которой он выцелил меня... А что если откатиться в сторону правее или левее - успеет ли он сориентироваться?» Эта мысль пронзила Сережу за одно мгновение, а не так долго, как ведется рассказ...Перекат, второй... Потом крик: «В атаку!» - можно вскакивать и бежать! Так Сергей и сделал-вскочил... не оправдал ожиданий снайпера... тот выстрелил «навскидку» - почти попал! Но это самое «почти» спасло Сергею жизнь. Встал бы с того места, в котором залег – удар в сердце и... смерть. Встал в другой точке – удар в правую согнутую в локте руку. Сережа помнит это ощущение - будто удар палкой по ру-

ке, даже вспомнилось слово, знакомое с детства: «осушило руку»...

Пуля вошла ниже локтя, вышла навывлет выше локтя. Бойцам давали в бой всего один перевязочный пакет. Солдат из цепи наступления быстро подбежал к раненому, кровь идет очень сильно. Пакет перевязочный один, а мест ранения – два!!! В этой суматохе солдат сделал перевязку Сергею: использовал пакет Сергея, а другую рану перевязал своим пакетом! отдал свой пакет Сереже!!! Значит, в наступление он пошел совсем без перевязки. Ничего Сергей не узнал: ни кто он – его спаситель, ни как его имя? фамилия? И только об одном попросил тот солдат Сергея: с оружием у того было слабовато. В атаку шел солдат с ВИНТОВОЙ. Это, конечно, не то оружие, которое необходимо в условиях того боя. Пока передернешь затвор, пока прицелишься опять... потеряны драгоценные минуты... У Сергея был автомат. Слова солдата были примерно такими:

«...ты все равно на данный момент отвоевался, ползи в медсанбат с моей винтовкой, а мне дай твой автомат. С ним в бой идти сподручней!...» Так они и сделали. Поменялись оружием. Ведь Сергею прийти, безоружным, в медсанбат никак нельзя – трибунал... Было это в 13 часов при взятии г.Карачев Брянской области...

Ранение было тяжелым, рука совершенно не слушалась и продолжала истекать кровью. От большой кровопотери кружилась голова... Сергею пришлось сначала ползти по картофельному полю. На пути ему

встретилась глубокая воронка от взрыва снаряда. Вот где можно немного передохнуть. Но не подумал боец, что съехав на дно воронки с раненой рукой и такой кровопотерей ему выбраться будет почти невозможно.

Много сил оставил он при своих многочисленных попытках вылезть из воронки. Он сам себе напомнил жука в стеклянной банке. Наконец Сережа потерял сознание. Сколько прошло времени – кто знает?

И, все – таки, потихоньку, Сергей выбрался наконец! А как же найти полевой медсанбат (ПМП – полевой медпункт)?

Санитары, медсестры придумали такую военную хитрость: на ветки деревьев в лесочке были привязаны бантики из бинтов. Наконец солдат нашел 539 ПМП. Оказали первую помощь, и в 17 часов раненый был доставлен в 157 – й медсанбат. И пошли госпитальные мытарства...

19 августа - 176 эвакогоспиталь,

21 августа – эвакогоспиталь в 6 км от г. Сухиничи,

24 августа- 1066 СЭГ г. Тула,

25 августа –ЭГ г. Тула,

26 августа – сан. поезд 156.

Так, пройдя несколько фронтовых госпиталей Сергей оказался в стационарном тыловом госпитале в г. Кисловодске.

4 сентября – ЭГ 3177 г. Кисловодск

26 ноября 1943года – операция на руке в нейро – хирургическом госпитале по сшиванию нерва и сухожилия.

Когда дома получили долгожданное письмо от Сергея, написанное незнакомым почерком, все страш-

но испугались! Подумалось всем, что кто – то пишет: «Сергей Иванович Заборовский погиб».

Оказалось, ко всеобщему счастью, что Сережа сам написал письмо, но левой рукой...

Да...Сережа остался жив! Но правая рука не работала еще 2,5 года... Так Сергей Заборовский стал инвалидом Великой Отечественной Войны.

28 января 1944года комиссия выписала Сережу из госпиталя, а 12 февраля он был демобилизован «вчистую» инвалидом ВОВ 2 – й группы

Госпиталь. г. Кисловодск. Сергей.

Спасибо врачу Акуловой, делавшей серьезную операцию. Спасибо Марии Алексеевне, милой русской женщине, медсестре, относившейся к Сереже особенно тепло, по – матерински. Ее имя он пронес в памяти через всю свою жизнь. Бывал у нее в гостях после войны, когда отдыхал на юге. Благодаря переписке его с ней, мы знаем: Мария Алексеевна умерла в сентябре 1969 года, когда Сергею Ивановичу было 45 лет...

В декабре Лёля поступила на работу техническим секретарем в обком партии. Поступила она туда взамен женщины, бывшей в это время в декретном отпуске. Проходя мимо здания областной больницы(в котором находился раньше обком партии),Лёля всегда смотрела на крайнее правое окно первого этажа, где в 1943-1944 годах стоял ее стол.

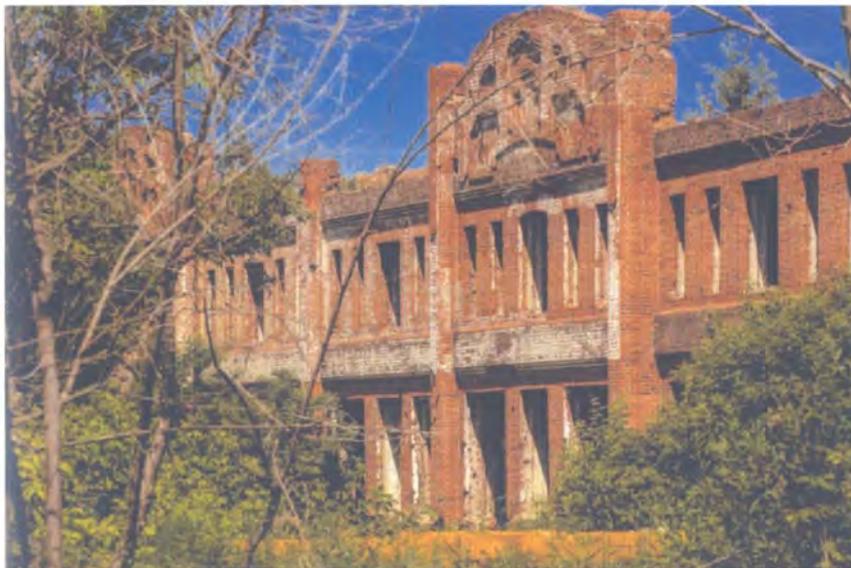

ФОТО РАЗВАЛИН ОБЛАСТНОЙ БОЛЬНИЦЫ
(обком партии в военное время)

Вести с фронтов были обнадеживающими, и хотя люди гибли (на войне, как на войне!), но было ясно, что все идет к Победе, и поворот к мирной жизни в сознании людей уже состоялся.

28 января 1944года Сергея комиссовали и выписали из госпиталя. Попрощавшись с врачами, ранеными бойцами, с которыми на целых полгода свела его судьба военного времени, Сергей отправился домой. А 12 февраля 1944года Сергей Иванович Заборовский был демобилизован инвалидом ВОВ второй группы... Ну так что ж! Зато жив!

Его мама, Ольга Ивановна сказала тогда, что 13 августа 1943года Сергей может смело считать своим вторым днем рождения. Действительно, несколько сантиметров спасли его от верной смерти...

21 февраля (через 9 дней после демобилизации) он был в родном Петропавловске на улице Папанина, 77.

Сколько бы времени ни прошло, а для матери все будет помниться тот счастливый день, когда Сережа прибыл домой! Вот как об этом она вспоминает в письме:

«...я помню этот день, как будто это было вчера. Да, действительно, в армию я провожала сына одна (ушел он с ул. Кирова 102), а вернулся - на улицу Папанина 77... В вечернее время я всегда запирала наружную дверь, а тут почему - то забыла. Вспомнила я об этом лишь тогда, когда во дворе раздался заливиственный лай Дружка. Это значило, что пришел кто - то чужой. Я испугалась и побежала ко входной двери. И вдруг заговорили в сенях басом: «Ну! Пошел вон!» Даже Дружок не узнал Сергея, который, находясь на

фронте и в госпиталях, вырос на 12 сантиметров и приобрел низкие ноты в голосе. А уходил – то на фронт с мальчишеским тенором... И хотя Сережа прикрикнул на пса не очень ласково, тот сразу узнал своего хозяина и кинулся на грудь Сергею, приветствовать его».

Дальше жизнь пошла своим чередом...

13 июня 1944 года Сергей проходит вторую комиссию ВТЭК. 28 июля 1944 г. – еще одна комиссия...

Незаметно лето подошло к концу, и надо было определяться с учебой (ведь кроме школы за плечами ничего нет...).

Во время войны в Петропавловске открылся радиотехникум, на базе радиозавода им. Кирова, эвакуированного из города Александрова. Преподавателей направляли сюда самых сильных из всех школ города. Они преподавали в техникуме по совместительству: Павел Александрович Овчинников, Капитолина Ивановна Наседкина – Сергей встретил здесь всех своих родных учителей (из школы №1, в которой он учился до войны!) За год Сергей хотел восстановить здоровье – инвалидность очень мешала жить...хотелось подтянуться по курсу средней школы...ведь за годы войны все основательно подзабыто... Кроме того втянуться в учебу после фронта – тоже оказалось делом тяжелым...И наконец, иждивенческая карточка на хлеб позволяла иметь 400грамм в день, в то время, как студенты получали 500грамм... Разница есть?

В радиотехникум Сергея приняли на третий курс. Сначала он так и думал, что закончит техникум, а дальше будет видно, но... Учиться еще предстояло 2 года, затем должен каждый студент отработать там,

куда его направят...А Лёля настойчиво звала брата ехать с ней в Москву и поступать в МХТИ, на спецфакультет. Сергей обладал льготами, как золотой медалист, как фронтовик.

Прошел год... Стоило Сергею написать заявление в МХТИ, как ему тут же пришел вызов... Надо было срочно воспользоваться тем, что Сережа – участник войны, иначе окончание школы с отличием могло не подействовать – льготы были распространены лишь на 2 года...

Но даже для Лели возвращение в институт было сопряжено с большими трудностями. Дело в том, что вызов был отправлен не в Петропавловск, а в Павловск. И девушка, не получив необходимую бумагу, предприняла отчаянную попытку приехать в Москву без вызова...

Милиция же прописывала в Москве только по вызовам. Ночевать Леле приходилось каждый день в разных местах. Честь и хвала Леле за то, что не дожидаясь вопроса зачисления ее в институт, она по собственному почину стала посещать лекции. Ей было предложено самой найти место в общежитии. Лёля пишет: «...без скандала это сделать нельзя. В общежитии ужасная теснота. Даже вселение с ордером вызывает скандал. За время войны в корпуса населилось всякого не студенческого люда, и выселить их никак не удастся. А еще не восстановлена часть корпусов, разрушенных бомбежкой. Кроме того, первый курс необходимо обеспечить общежитием – ведь все приехали по вызовам».

Каждый раз с занятий она не знала, куда идти спать. Кругом огромные очереди: за талонами, за хлебом, но для Лели самое главное – общежитие.

Вообще о Москве 1944года... «...внешне она не изменилась. На улицах везде по – прежнему мороженое, конфеты, пирожки на лотках. Только все это очень дорого. Цены коммерческие! Центральный Мосторг тоже полон товарами, но цены...».

Лишь 15 октября 1944года вопрос с общежитием удалось решить положительно «...нашлась девушка, которая до войны училась со мной. Она дала согласие взять меня в свою комнату. У меня пока еще нет кровати и матраца. Поэтому приходится спать вдвоем на одной кровати».

«...заниматься приходится трудновато – перерыв дает себя чувствовать. Особенно трудно с теми предметами, которые продолжаются. А с теми, которые начинаются - полегче».

К трудностям учебы, к беспорядкам с общежитием и вызовами, к голодному, для студентов, времени добавляется еще и никудышняя обувь... «...у полуботинок совсем отваливается подошва, а у бот спереди отлепилась латка, которую клеил Сережа. Сзади держится хорошо, а впереди – скандал...».

«Я видела вчера салют за Ригу из 324 орудий. Звук орудий здесь очень хорошо слышен. Пишите мне Москва 57. До востребования».

«...19 октября 1944года наблюдала салют в честь прорыва Карпат и входа наших войск в Чехословакию. Раз в пятидневку в институте показывают кино. Видела

«Пятый океан». В городские кино выходить не решаюсь, так как у тужель моих «невеселый» вид».

«...поучила по карточке 200 грамм лярда. Между прочим, лярд – прекрасная вещь. Сережа рассказывал, что лярд был у армейцев на фронте» (в словаре: «лярд»- торговое название топленого свиного сала – с англ. Языка - курсив мой).

Из писем Лели известно: в Петропавловске родители имеют так мало наличных денег, что послать дочери им нечего.

Лёля продолжает писать оптимистические письма, чтобы семья не отрывала от себя последнее: «...наша комната по удобствам не из плохих. Главная ценность – радио. Это и развлечение, оно нужно и для того, чтобы узнавать новости и плюс ко всему – часы. Утюг тоже вещь неплохая. Есть электроплитка. Только при пользовании ею создается очередь. Я, обычно, занимаю последняя, чтобы меня никто не ждал».

Главный вывод: «...я вообще не жалею, что приехала учиться. Трудности, конечно, есть, но терпимые и жить можно...»

И как, должно быть, тяжело с таким минимумом смотреть на магазинное изобилие! «...я стараюсь поскорее выйти из магазина. Ведь невозможно купить пирожное за 50 рублей!!! Тоже самое в центральном Мосторге: много прекрасных вещей, но цены!!! По радио передали важное сообщение: прорвали оборону на Дунае на 140 км по фронту и на 40 км в глубину».

Дефицит с бумагой - хотя в продаже все есть! Блокнот – 25 рублей! Общая тетрадь 50 рублей!

Радуют сообщения с фронта; «...последние дни просто сердце ликует! Салюты гремят почти каждый час! Какие победы! В Германии! В Польше!».

Вот читаю я лелины письма и радуюсь ее радостями!

«...Вечер. Только что прозвучали залпы салюта в честь побед в Восточной Пруссии. Это уже третий салют сегодня. Вчера их было пять. То-то Гитлер там воет с тоски!!! Вчера я получила через профком мелкие галоши. Это такая ценность для меня!».

«У нас в МХТИ проходят замечательные концерты: выступают солисты Большого Театра - Яхонтов, Большаков. Был вечер, посвященный Николаю Островскому, – присутствовала его жена».

Пока Сережа учился в техникуме, Лёля с отличием закончила третий курс МХТИ. Так часто звучали салюты в последнее время! Война шла к победному концу...

Наконец вернулась из эвакуации Ася. Она поступила на заочное отделение пединститута в Москве, так как педагогическая деятельность ей очень понравилась и ребята ее очень полюбили...Она рассказала, что в эвакуации, в Туркестане у нее умерла мама... Приглашала приезжать к ней на каникулы. Жили они с папой тогда в 150 км от Москвы на станции Фруктовой (по Казанской дороге).

Лёля продолжает победное шествие в учебе... Материальное положение тяжелое...Петропавловск тоже ничем не может помочь Леле. Папа тяжело болеет... Мама нездорова... Брат студент, да и ему инвалидность не просто так дали: больной, израненный... При-

ходится им даже приторговывать на барахолке. Но, как известно, чтобы продать что –нибудь ненужное, надо сначала купить что –нибудь ненужное. Я вижу, что в список продаваемых вещей попал наш шикарный женский украинский костюм, которым наша семья очень гордилась... Да, его продали по частям, но все –таки, кое – что от него осталось... и даже дожило до моего появления на свет.

Фото украинского костюма – Посмотрите- ка на фото 1964 года - перед вами автор этой повести в «остатках прежней роскоши».

У Лели закончен курс сопромата – по институтской поговорке «теперь можно и замуж»! По институту прошел тревожный слух – отменят стипендию! Неужели Лёля расстанется со своей повышенной (462рубля)?! Поставили новый трансформатор и теперь только вечерами и ночами свет есть, так что приходится ложиться спать под утро..., превращать ночь в день.

В конце 1944 года был в МХТИ творческий концерт Константина Симонова...

И еще Леле бы очень хотелось провести новогоднюю ночь в Петропавловске, в семье... Она вспоминает прошлый новый год – Сережа еще был на фронте, теперь Лёля отсутствует...

Лёля, в честь Нового 1945 года, подшила за 35 рублей валенки прорезиненными подметками – эх! так и щеголяет по Москве! Прошла полоса коллоквиумов перед сессией.

Физхимию сдала на пять! Преподаватель дает очень оригинальные вопросы на сообразительность, и у него «не плавать» нельзя! В заключении он сказал, что Лёля очень хорошо соображает! А мы это давно знаем!

1945год

29 апреля 1945года: «...день рождения. Я совсем ему не рада. Как никак -24 года!!! Рада за Сережу, что он к своему дню рождения, к 1 мая, сшил себе «клевши». Пусть пофорсит молодой человек! Замечательный костюм теперь у тебя Сережа! И пряжка прямо как на-

стоящая. Где ты фотографировался? Теперь ты принял полностью морской вид! Лицо у тебя, правда, не совсем удачно вышло. Не знаю в чем даже дело? Кто тебе делал фуражку? Получил ли ты медаль в военкомате?» - так пишет Лёля, рассматривая фотографию Сергея, где он демонстрирует одежду, которую справил по возвращении с фронта в Петропавловск.

Сергей в флотской форме

В этом виде он выступал на сцене радиотехникума с песней «Смуглянка - молдаванка».

Лёля добавляет: «...эта песня мне очень нравится. Еще мне нравится песня «Под звездами Балканскими». Ты ее знаешь?».

ПОБЕДА!

«В момент салюта за Берлин наша группа была дежурными на крыше института. Нужно было смотреть в силу грандиозности салюта, чтобы искры от салюта случайно не попали на крышу. А при каких обстоятельствах вы услышали радостное сообщение о Победе?».

Следующее письмо публикую без сокращения 9 мая 1945г.

«Здравствуйте, дорогие! Первым делом, спешу поздравить с днем Победы! Наконец – то мы дождались этого радостного дня!

Сегодня ночью мы услышали по коридору страшную беготню, крики и шум! Это нас и разбудило, т.к. радио у нас, последнее время, говорит очень тихо. Мы так и поняли – **КОНЧИЛАСЬ ВОЙНА!**

Мы все еще вчера ждали этого сообщения.

Сколько было радости, поздравлений, объятий, поцелуев, смеха, восторгов!!! У нас сообщение о Победе было передано в 2 часа ночи!

Сегодня нерабочий день! Мы ходили по Москве! Было народное гулянье! Все выглядело так радостно и празднично! И день выдался на славу! солнечный! а вчера и позавчера шел дождь. Как хорошо, что в эти дни я в Москве! Сегодня вечером мы поедем в центр, наблюдать салют в честь окончания войны! НЕ знаю

только, как туда пробраться? – Все ведь будут стремиться!

...Начался салют в 10 часов вечера. Вы не представляете себе, что это была за красота! Все небо было пересечено массой прожекторов! Фейерверки из ракет разных цветов, гремели орудийные залпы! Когда салют кончился, появилось много самолетов, с которых тоже пускали разноцветные ракеты. Прожекторами был освещен собор Василия Блаженного и башни Кремля. На фоне неба, пересеченного прожекторами, это выглядело как в сказке. В небе развевались знамена, поднятые на аэростатах. В лучах прожекторов появился портрет Сталина.

...10 мая у нас был митинг в честь Победы! Какой подъем у всех! Все искренне рады окончанию войны и Победе! Долгожданное свершилось! В какое богатое событиями время мы живем!

Сегодня я прикончила последнюю баночку с консервами (взятыми еще из дома). Эта банка ожидала какого –нибудь случая! Вот ВЕЛИКИЙ СЛУЧАЙ настал...»

Сергей вспоминает: «День Победы я встретил, будучи студентом радиотехникума в Петропавловске. Конечно, в глубинке, в провинции этот день прошел без особой шумихи и салютов... Зато он был отмечен большим количеством выпитой водки! Конечно, это внешняя сторона события, а переживания, радости и слезы по утратам каждый нес в себе...»

Дальше, забегая вперед, скажу: что Лёля вернется после летних каникул из Петропавловска на четвертый курс МХТИ ...НЕ ОДНА!!! Вместе с ней отправится

и Сережа, на первый курс. Наконец – то брат и сестра опять вместе! Наконец – то домой пойдут письма от дочери и от сына.

При посадке в поезд на Москву в Петропавловске была страшная толчея. Мама, провожая детей заметила, что кто – то, пользуясь суматохой, полез в окно вагона. Мама спросила: «Сережа, а ты что же хуже?!» Его посадили в окно, вещи подали туда же, а Лёля села обычным путем. Оказывается, билетов ребята не смогли достать.

Прежняя Лёля опять проявилась вместе с появлением Сережи в Москве - опять «звенит и журчит на все голоса»! Семья, находящаяся до этих дней за тысячи километров, словно приблизилась. Сергей принес заботу о сестре. Вместе они почувствовали силу. Вокруг них закипела жизнь. Как и в детстве, они неразлучны, один поддерживает другого.

В институте сразу обратили внимание на эту интересную пару. Лёля создала своей безупречной учебой хороший запас прочности своей фамилии. И тут появляется Сергей –фронтовик, красавец острослов, обладающий приятным баритоном, любитель пения и не менее прекрасный студент, чем Лёля! Еще одна светлая голова и золотые руки. Это было второе появление Сергея в Москве. Первый раз – в 1940 году он, мальчишка, окончивший восьмой класс...

Прошло всего пять лет... А как он возмужал! Прошел войну, был ранен...Но темпы учебы снижать не в правилах Заборовских! Никакая наносная удаль, фронтовая привычка лихо опрокинуть стаканчик, отстоять свое имя в кулачном бою, закурить папиросу и

«лихо сплунуть на палубу» не заставит его забыть сестру или забыть об учебе. Хорошее воспитание, устой семьи, фамильные моральные ценности оградят этого молодого человека от праздного шатания, бездеятельности.

Несколько цитат из писем Лели и Сережи и картина будет очень ясная.

«11 сентября 1945г. Лёля: прибыли в Свердловск дали вам телеграмму. Едем благополучно и полноправно. Сегодня нам устроили билеты но в купе едут 13 человек! Тесновато. Спали полусидя. Все же мы движемся к Москве – и это главное!

16 сентября 1945г. Сережа: «С проводницей о билетах я договорился легко. Она сначала объяснила, что сама ничего сделать не сможет. С этим вопросом связан начальник поезда и второй проводник, а поэтому все дело с билетами стоит 1000рублей. Мы в ее руках! Поэтому не поспоришь! А жаль тысячи, так как она пропала даром! До Москвы не было ни одного контроля и можно было ехать зайцами. Ну, вперед не заглянешь! Высаженными быть совсем не хочется. Теснота в вагоне была дикая – вы сами это видели! На следующую ночь чемоданы сгрузили в проход, на них и спали, а я перебрался в багажный ящик под потолок, там можно было, скорчившись, лежать. Насчет еды было сносно, и хватило в обрез. В дороге ничего не покупали. В Свердловске и в Молотове (Пермь)- было мороженое».

«Приехали в Москву 14 сентября, вечером. В метро попали в волну,двигающуюся после матча, так что ехать с вещами было трудно. Плюс к этому усталость и

некоторая простуда. Дотащились до студ городка, вошли в Лелину комнату, вымылись, попили чаю – и на боковую!

Сережа был помещен в комнату на 6 этаже, как раз над Лелиной комнатой. Там живут три дипломника, которые скоро оставят институт. Сережа рассказывал мне, что у этих ребят была общая судьба. Они из студентов МХТИ во время войны превратились в студентов Академии Химзащиты. Их поэтому называли «академиками». Взяли их с 5 курса, а вернули на 4-й...

Первый курс спец факультета был однородным. Даже зам декана спец факультета Быковский Евгений Сергеевич, в просторечье «БЕС» тоже вышел из «академиков».

Сергея зачислили в 15 группу. «... Наша группа состоит из одних хлопцев. Самое неприятное, что меня никогда не забывают – деканатом я назначен старостой группы».

Благодаря Лелиной работе в студсовете удалось Сереже хорошо устроиться в общежитии.

«Между прочим, Сережа забыл дома полевую сумку, сейчас ему не в чем носить тетради. Мы в нашей комнате нашли ему скоросшиватель».

Сереже, как и всем инвалидам войны дали карточку УДП (карточка усиленного дополнительного питания). Лёля имеет такую же, как круглая отличница.

Лёля: «Денежные ресурсы у нас с Сергеем общие. Он мне и себе берет талоны на обед, выкупает хлеб и другие продукты. Сережа, как инвалид ВОВ, получает часть хлеба БЕЛЫМ – кушаем мы его пополам».

Сереза: «Все деньги, получаемые нами, находятся у Лели, но я пользуюсь «неограниченным кредитом», т.к. я в нашей семье - ЗАВХОЗ. Вот придет Лёля из института, я вам допишу о нашем материальном положении...».

И дописал: «денег у нас оказывается маловато. А количество вам ничего не даст, т.к. пока придет письмо, все сильно изменится».

Очень выручила наших ребят встреча с Константином Сергеевичем, (фамилию его не помню – *курсив мой*) с земляком - петропавловцем.

Было это в знаменательный день 24 июня 1945г.г. В этот день был парад победителей.

Лёля: «У нас в институте был богатый завтрак для студентов перед демонстрацией. Дали по целому кульку на дорогу: 200 г белого хлеба, сыр, кусок американской колбасы, 2 оладьи и печенье. Хорошо закусив, мы отправились на демонстрацию. Еще когда мы начали строиться, стал моросить дождь. Пока мы прошли улицу Горького - вымокли до нитки ...

Когда было уже «рукой подать» до Красной площади мы узнали, что демонстрация из – за погоды отменяется. Какая это была жалость! И вымокли мы зря!

Но на демонстрации я встретила нашего земляка. Оказывается, он учится в партшколе, которая находится рядом с нашим институтом. На демонстрации наши колонны были рядом. Когда произошла остановка колонн, мы с одной девушкой пошли прогуляться (пока стоим). И вдруг вижу: идет, прогуливаясь, тоже с товарищем, - Константин Сергеевич! Ну, как всегда, прекрасно встретились, поговорили... Он имеет в своей

партийной школе возможность доставать билеты в лучшие театры Москвы! Жа-а-аль, что у нас сейчас сессия, но все – таки он обещал на днях взять билеты куда – нибудь. Вот какие бывают встречи в Москве!...»

Этот человек был давно и безнадежно влюблен в Лелю, хотя был старше ее на 11 лет. Но есть такой сорт людей, которые чувствуют себя в молодежной среде легко, забывая о своем возрасте. Этому мужчине было уже 35 лет. Он воевал. Горел в танке. Одна половина лица его была обожжена. Учился он в Москве в партшколе, на высших курсах при ЦК ВКП (б). Дня через три должно было состояться распределение. И Константина Сергеевича скоро направят на работу. Направили его в г. Великие Луки. Он сделал Леле, в эти дни, предложение руки и сердца, чтобы ехать, с молодой женой, на новое место жительства!

Лёля, конечно, не моргнув глазом, отказалась. Не для того она так стремилась к учебе, чтобы одним махом перечеркнуть все с вои усилия...

Но К.С. не отступал.

Лёля: «Вчера приходил днем – не застал меня дома. Так часто бывает. Оставил большой букет. Девчонки приходят к нам в комнату – завидуют, и говорят: «Это не Константин Сергеевич, а золото!»».

Он достает и подбирает Леле литературу к политзанятиям, он засыпает Сережу и Лелю бумагой, с которой по – прежнему напряженно. Леле, отдельно, подарен лист ватманской бумаги для чертежного проекта. Там, в партийной школе, он достает билеты то Леле в театр Немировича – Данченко, то в филиал Художественного театра, бывает, Леле и Сереже вместе!

Однажды Лёля написала маме: «...Он совсем сошел с ума. Он написал вам, в Петропавловск длинное письмо!».

Вот отрывки из этого письма: «...она (Лёля) уважает меня за честность, человечность, нежное отношение к ней, но не любит меня, причем иногда скучает в моем обществе, не подавая вида, (как ей кажется), из чувства вежливости».

Ну и что ж Константин Сергеевич хотел от родителей?? Насильно мил не будешь! Но он продолжает: «Хуже всего, что я не могу ни с кем об этом поговорить».

Ольга Ивановна и Иван Федорович, вам я пишу обо всем, что меня мучает! Вы, прежде всего, желаете счастья своей дочери, поэтому совет ваш я буду особенно ценить. Подумывал я даже посоветоваться с Сергеем, пусть он прогонит меня, как совершенно нежелательного мужа для Лели. Но он так молод, хотя и не по годам развит... А Сергей, иной раз, смотрит на меня широко раскрытыми глазами, и хочется в такие минуты сказать ему: «Я люблю твою сестру!».

«Хочется быть с Лелей! С тоской думаю о том, что, может быть, осталось всего несколько дней видеть ее, и я уеду навсегда из Москвы».

Можно быть только глубоко благодарным этому благородному человеку! Он очень помог и Леле, и Сереже в то время, когда они нуждались в помощи. И еще, спасибо ему, что он позволил его глазами взглянуть со стороны на Лелю и Сережу, тогдашних.

3 декабря 1945 года, комната 137, стол Лёли.

«Добрый день, Ольга Ивановна! С удовольствием выполняю ваше поручение – посмотреть, как живут ваши сын и дочь. Ну что у вас за детки?! Сегодня Лёля занимается переводом с немецкого языка, со мной совсем не разговаривает. Сергей остался в читальном зале заниматься. Следовательно им процесс учебы доставляет не мучение, а наслаждение.

Москва, как всегда, хороша. Погода стоит морозная и сухая.

5 декабря пойдём с Лелей в концертный зал имени Чайковского. Этим может закончиться мое пребывание в Москве. А не хочется. В Лелю все больше влюбляюсь и боюсь этого. Надо быстрее уехать. Леле – хорошо, мне – плохо... Чувствую, что глупею. Думаю, что все это пройдет, когда я куда –нибудь распределюсь. Привет от Лели и Сергея. Желаю здоровья и спокойствия. Константин».

«...вам можно гордиться своими детьми. У них чисто московский, светский вид. Сергей ведет себя непринужденно, Лёля – иначе, но, так же независимо и самостоятельно. Оба же вместе – люди, которым пальца в рот не клади! Хотел бы я иметь таких детей! С Лелей, как и прежде, веду дружбу, хотя не знаю к чему приведет меня привязанность к ней. За вашу посылку они очень благодарны, особенно за то, что сделано это своевременно. Деньги им действительно очень нужны...

В Москве похолодало. Москвичи на улицах ходят румяные, оживленные, толкаются в трамвае сильнее, чем летом, в метро бывают пробки. Людно, очень людно в Москве... Здесь хотелось бы мне работать и жить, но с условием, чтобы хватало денег и была хорошая комната. Это же трудно осуществимо. За ребят своих не беспокойтесь – они в грязь лицом не ударят».

Скоро Константин Сергеевич уедет преподавать историю ВКП (б), (международные отношения и мировую литературу) в Великие Луки, а затем в Торопец. Напоследок, он очень рьяно взялся решать предотъездной вопрос: «быть» ему с Лелей или «не быть». Леле тоже пришлось решительно разрубать «гордиев узел». Поэтому разговоры меж ними были порой не очень приятными...

Лёля и Сергей очень интересно описывают свои дни в МХТИ:

Сергей: «...С питанием у нас так: я, как инвалид, буду получать карточку УДП (усиленного дополнительного питания) ежемесячно. Лёля – сейчас, как круглая отличница, тоже УДП умеет. Карточка дает обед из трех блюд. Кроме того, мы регулярно завтракаем и ужинаем. В выходные дни готовим на плитке в Лелиной комнате. В общем, я у Лели чувствую себя, как дома, и еще неизвестно, где я чаще бываю: у нее или у себя... Девчонки не против меня, а даже «за» (объясняется это тем – *курсив мой* - что у Сергея завязался роман с одной из девушек лелиной комнаты, приехавшей из Тобольска). Впоследствии, эта девушка станет Сережиной женой. Будет носить фамилию Заборовская, она и именем Елена была названа при рождении – (Елена Заборовская – полная Лелина тетка). В комнате, чтобы не путать двух Елен Заборовских, их называли так: Лёля и Люся.

Цитирую письмо Сергея дальше: «Просыпаюсь сам, во время «Пионерской зорьки», встаю в 7-30, а если сам не проснусь, Лёля через 5 минут стучит к нам в дверь. В 8 часов утра мы уже едем в метро в институт, с расчетом позавтракать до занятий... Из нашей комнаты только одному мне надо попасть к 9 часам в инсти-

тут. Остальные все – дипломники, празднующие. Иногда они даже меня просят разбудить их».

С НОВЫМ 1946 ГОДОМ!!!

Заканчивается 1945 год ... 31 декабря в Лелиной комнате собралась теплая, почти семейная компания – помимо известных лиц (Лёля, Люся и Сергей) были девчата из лелиной комнаты и ребята – «академики» из сережиной комнаты. До чего же знаковой была встреча этого нового года!!! Было объявлено всем, что Сережа и Люся решили пожениться! И, когда компания прокричала «ура!» в честь будущих молодоженов, к Леле неожиданно подошел скромный паренек из Сережиной комнаты – Саша Невзоров. Он был лучшим другом Сергея. Оказалось, что и Сережа был посвящен в сюрприз, который Невзоров приготовил Леле...

Саша Невзоров

Саша открыл коробочку, в которой было колечко, выточенное им самим, когда ребята – «академики» были на практике на заводе, и почти прошептал: «Лёля, выходи за меня замуж...».

Он густо покраснел и ждал приговора. А Лёля даже побледнела от неожиданности... Ей было не до смеха: Саша всегда был в этой компании, он ближе всех «академиков» сходил с Сергеем, сейчас он окончил институт и уезжает с ребятами - «академиками» в Стерлитамак... **НО ЧТОБЫ ТАКОЕ!!!** У них всегда были чисто дружеские отношения, как и с другими ребятами из комнаты Сергея. Что это он придумал?!

Однако, паузе не дали долго затянуться! Все стали кричать «Ура!!!!» - еще громче, чем в первый раз. И никто даже не подумал ждать ответа от Лели... Шампанское!... С новым Годом! С новым счастьем! Саша ждал ответа весь вечер... Не дождался...Отказа тоже не было...

Встреча нового 1946года.

Слева – направо: Люся Сергей и Лёля.
(Подпись на обороте: «Родителям от
веселящихся «деток»).

Лёля написала о предложении Саши родителям так:
«...Родился Саша в 1921 году. Он мой полный ровесник. Невзоров уже защитил диплом – теперь инженер. Сейчас все ребята «академики» получают документы в министерстве и завтра уедут в Германию. Они имеют задание: возглавить демонтаж завода из Германии в Стерлитамак. Сергею Невзоров очень нравится, и он говорит, что не против такого зятя. Однако, думаю, что я права, отклонив замужество. Мне до окончания института 1, 5 года.

Что еще произойдет за эти полтора года? Зачем мы будем зарегистрированы, а жить по – прежнему отдельно, да еще, может быть, и в разных странах? И во-

обще это его предложение так неожиданно!!! До сих пор мы были просто хорошими знакомыми и даже друзьями... Может быть у него это просто дань волне женитьб и замужеств, царящих у нас сейчас в институте? Пока я обещала ему «подумать». А жизнь покажет насколько это серьезно... ».

Я часто думаю, что было бы, если бы моя мама (Лёля) вышла замуж за Сашу Невзорова? И теперь, с высоты прошедшего времени, мне кажется, что так и надо было поступить. Ведь Валентин погиб на войне. А Саша – этот скромный паренек, был ей во всем под стать! И ровесник, и коллега, и человек хороший...

Но, тогда бы я не появилась на свет! И кто бы это все написал? Шутка!

ЖИЗНЬ БЕЗ ПРИКРАС

1946 год начался с сессии ... Лёля еще и бригадир десяти агитаторов по выборам... У нее и тут ответственный участок работы...

5 января 1946 года пишет родителям в Петропавловск Сергей:

«...С Нового года стал шалить свет. А свет – это основа жизни студента, как корова у крестьянина. Во – первых, свет нам нужен в основной своей функции, в качестве света. А потом он нас отапливает и кормит – часто приходится готовить на электроплитке.

И вот представьте себе: в сессию, когда день очень короток (с пяти часов вечера уже темно, а заниматься нужно допоздна) мы лишены света, тепла и еды. Приходится тратить драгоценное время на поездки в ин-

ститут, на ожидание трижды в столовой. Да, в конце концов, свет и в институте ненадежен. Тут у нас ходят легенды, про некоторых студентов, что они доходят до того, что идут в метро и ездят в нем от «Сокола» до «Автозавода Сталина». Туда и обратно час езды. Тепло и светло. Правда несколько тесновато и шумно, но студент привык ко всему. Так и катаются и учат к сессии.

Что мы делаем, пока нет света? По фронтовой привычке, зажигаем коптилки. Но все это «осточертело» и хочется света!. Так же надоело утром одевать расплывающуюся обувь... Не знаешь – дойдешь ли до института? не окажешься ли прямо на морозе в пиковом положении. Сапоги мои принимают все более «бледный вид».

Бригадирам по выборам, таким как Лёля, узаконили свободную сдачу экзаменов (вне расписания).

Лёля пишет: «...я на этот путь пускаться не хочу! Считаю, что очень плохо идти не в ногу с группой. Нас, правда, редкий день не отрывают по выборам от занятий, но я все же не выбиваюсь из расписания!

Константин Сергеевич пишет очень хорошие письма. Я не отвечаю. Обижать – то его не за что. Только поэтому и тянется эта «волынка». Между нами ничего серьезного быть не может. Ну не люблю я его! И вместе с тем, ни от кого я не видела такого хорошего, бескорыстного отношения, как от него... Так относился ко мне разве что Валентин... Как ваши дела?»

А в Петропавловске дела плохие... Очень сильно заболел папа. Причем, ему даже предлагают оперироваться. «...Папа, сейчас ведь ты в отпуске, значит, не переутомляешься? Почему во время отпуска не поль-

зуешься бюллетенем? Отдыха итак мало...», - спрашивают дети.

1 февраля Лёля пишет: « Могу похвалиться, что по всем шести экзаменам сессии получила 5. Эту сессию на сегодня закончили единицы, не говоря уже о том, КАК закончили... Нет совсем отличников по нашему курсу! Сейчас тоже много работы по выборам, но вне сессии мне это делать гораздо легче. Меня премировали за отличную учебу 100 рублями. Очень приятно, что мы с Сергеем оба отличники – ведь это интересно и в материальном плане.

Поддалась действию уговоров девчат по комнате и написала Константину Сергеевичу длинное, «объяснительное» письмо. А он мне в ответ: «Лёля, неужели ты не можешь понять, что в твоём письме есть все, кроме главного... Долг заставил тебя написать письмо, и это чувствуется во всем содержании его». Он, конечно, прав! Мое письмо «преказенное...».

Сережа: «Сегодня мы слушали доклад Сталина, транслируемый по радио из Большого театра – к выборам – было замечательно слышно! Впечатление такое, будто он говорит здесь, комнате. Этот приемник – класс!» *(Это Сергей говорит, о приемнике, привезенном из Германии Люсей. Она была на практике на заводе в Германии. И назывался этот приемник - « BLAU PUNKT» «Голубая точка»- курсив мой)*

23 февраля 1946года. Пишет домой Сережа:

«...Дорогие «мамонт» и « папонт»!

Лёля ушла на вечер, посвященный окончанию выборов, а я коротаю вечер написанием письма. Интерес-

но, вспомнили ли вы, что 21 февраля прошло 2года, как я вернулся из госпиталя. Когда – то мы договаривались отмечать этот день! А вот я сам забыл про него и ничем не отметил... Хотя нет! В этот день мы были втроем (Лёля, Люся и я) в театре Красной Армии на спектакле «День рождения». Сюжет прост, но игра актеров и сам театр – прекрасны. А вот в нагрузку к этим билетам нам дали билеты на концерт органной музыки в консерваторию! Сидели мы там и, откровенно говоря, мучились... Музыка тяжелая и однообразная – фуги Баха. Как все – таки мы мало музыкально образованы... Уж чем я только не занимался во время концерта и то, кажется, вздремнул. Удручает еще то, что на сцене нет ни одного лица, а откуда – то несется однообразный рокот. Но вернемся к «живому». У нас с Лелей и Люсей бывают мысли, о переходе в другой институт, или хотя бы на другой факультет. Дело в том, что специальность, которую дает наш факультет нам не нравится. Наступившее мирное время требует нас, студентов специального факультета, приспособливаться с военных профессий к мирным. Ребята – «академики» нам пишут, что недовольны своей работой и условиями. Письма пишут довольно отчаянные о том, что химия это медленное отравление. С квартирами очень плохо. И это ребята, которым устроиться проще, а что девочки будут делать?».

Кстати, Сергей всю жизнь свою, впоследствии, носил погоны, возглавлял госприемку на военных заводах для Армии и Флота. Он служил в одном и том же Артиллерийском Управлении, что и Лёля, только в разных подмосковных военных городках. Так что воен-

ной специальности все трое Заборовских (Лёля, Люся и Сергей) так и не поменяли. А в их компанию только добавился муж Лели (Серебренников Семен Данилович) мой отец... - курсив мой).

Вот еще очень интересное письмо от Сережи:

«...Был у нас эти дни Константин Сергеевич (проездом на Петропавловск). С ним мы передали для вас посылочку и папиросы «Казбек» папе... Лёля на днях уедет с девчатами на практику в город Котовск, в нескольких километрах от Тамбова. Мы тут так разыграли Константина Сергеевича!!! Когда он приехал, Лёля была в институте. Мы «убили» его сообщением, что ЛЁЛЯ ВЫШЛА ЗАМУЖ!!! Причем эту шутку поддержала вся комната...»

Вот бессердечные! Еще и смеются! Молодые...озорные..., а человек мог инфаркт получить...

Дальше продолжает Лёля: «...когда я пришла из института, Константин Сергеевич попросил меня показать фотографию мужа – я показала фото Саши. Он совсем завял и повесил нос. Спросил: какая же моя новая фамилия? Девчата сказали: «Невзорова». Интересно, рассказал ли он вам эту историю, когда привез посылку? Я довела бы этот розыгрыш до конца, но вдруг из разговора я узнала, что он едет в Петропавловск, а значит, может зайти к вам. Ну, тогда мы обратили все в шутку. Иначе, могу себе представить, как бы он испугал вас!!! Тем более, что я раньше писала вам о предложении Саши.Надо было, опять же посмотреть на радость Константина Сергеевича при опровержении!!! Смех просто! Как ребенок! Это в 36 –то лет!!!».

В письме, переданном родителям через Константина Сергеевича, (видимо, открытом) Лёля пишет: «Константин Сергеевич не остался на наши дни рождений, за что вся наша комната на него обижается!» *(напомню, что дни рождения наших брата и сестры почти в один день: 29 апреля – день рождения Лели, а 1 Мая – у Сережи... курсив мой).*

А как прошли праздники, описывает Сережа; «...как обычно, 1 мая пришлось рано встать... Перед демонстрацией нам выдали кульки с угощением. В каждом: полбатона с колбасой, в виде бутерброда, по две сладких булочки и по конфете. Демонстрация, как всегда, утомительная, но и веселая! На Красной площади не повезло – не видели ни Сталина, ни Молотова. В дороге пели и танцевали, так как был с собой аккордеон. С демонстрации вернулись часа в четыре. Потом была вечеринка в честь моих и лелиных дней рождений! Перед вечеринкой выходили на крышу корпуса посмотреть праздничный салют. Потом обменялись подарками. Не помню, писал ли я, что получил в институте ордер на сукно (цвет черный и качество неплохое). Так вот сначала я хотел сшить себе из него брюки, но потом решил продать его на барахолке. На вырученные деньги я купил Леле ТУФЛИ!!! Так как с обувью у нее был полный крах! Положение было еще хуже, чем у меня с сапогами!!! Я вручил ей туфли еще утром, так что на демонстрации она была уже в них! Сейчас этот фасон очень моден, но туфли еще оказались удобными и практичными. Я их давно присматривал. Лёля очень довольна! Себя я тоже не забыл: нашел хорошего сапожника и отдал ему мои старые голенища

от сапог. Он соединил мои голенища с нижней частью, изготовленной им – хорошие хромовые верха и крепкие подметки. Как вы смотрите на мою коммерцию? С костюмом пока отложил до лучших времен...».

Мама и папа оценили этот благородный поступок Сергея. Много лет спустя, эта притча о том, какой заботливый у нас Сергей, была неоднократно рассказана мне. Как он думал о сестре, как видел ее страдания от того, что ей приходится бывать в присутственных местах, всюду на виду, - и вдруг такая обувь!...

5 мая 1946 года: «...как прошел у вас заем? Лёля подписалась на 700 рублей, а я на 600. Проводили подписку в своих группах и я, и Лёля. Вообще наша фамилия только и слышна по институту. Меня многие знают по Леле, а Лелю по мне. Таким образом, мы имеем (нисколько не фигурально!) пол института знакомых».

11 мая 1946 года: «...еще раз довелось увидеться с нашими друзьями «академиками». Приехали они вчера утром, раненько... И сразу в свою родную комнату – ко мне! Тут же постучали в пол к девчонкам (комнаты находились одна над другой). Лёля и Люся прибежали тут же. Все были очень рады встрече! Правда было бы еще лучше, если бы они прибыли на день Победы. Но мы решили этот пробел восполнить сегодня вечером. Приехали ребята, бегают по ГЛАВКам, в Министерства, я им даже несколько завидую. Выглядят они неплохо... Кстати, в день Победы шел дождь, и салют закрывался облаками. С крыши корпуса ничего видно не было. В городе же народу было, хоть отбавляй, и потому трудности с транспортом. Когда приедем домой, расскажем

о приключениях, произошедших с нами в этот день. Курьезы...»

« Мои «академики» все еще здесь. Выехать из Москвы не могут. С билетами большие трудности. Обменялся с ними фотографиями, так что летом вы сможете увидеть всех наших хороших друзей!»

Позже Сережа напишет: «...получил письмо от Саши Невзорова. Он в Потсдаме (Германия). Письмо коротенькое, но очень жизнерадостное. Он тратит заработанные марки на мелочи. Лёля по нем абсолютно не скучает. Сердце ее рядом с ним спит... Ну, что ж у нее характер несколько фаталистичный: чему быть – того не миновать! А чему не быть... так чего жалеть. Константин Сергеевич тоже вроде успокаивается там, в отдалении пишет: «...хотел рассердиться на тебя (на Лелю) но не могу...нет даже досады... Не твоя и не моя вина в том, что у тебя отсутствуют чувства ко мне».

«Лёля читала мне его письмо. Он заканчивает переписку так: «...Желаю успешно учиться. Тосковать тебе, конечно, не о ком, не о чем, поэтому я лишь завидую твоему положению. Страхи пусть тебя оставят по поводу защиты диплома, по поводу перемены жизни, в связи с окончанием института. Все войдет в свою колею. У тебя благоразумия хватит не только на обустройство своих дел, но и кое за кого умеешь решать их...».

Лето 1946 года прошло в Петропавловске, поэтому писем не сохранилось...

1946 -1947 учебный год для Лели Заборовской – завершающий (5 - й курс МХТИ, защита диплома). В первых числах апреля уже состоялось распределение студентов по месту работы. Такое раннее распределение делают специально: «...если не даешь согласие-подписку ехать туда, куда тебя распределяют, то тебя не допускают к защите проекта. Это сделано потому, что если распределение делают после защиты – многие не дают подписки и начинаются хлопоты по перемене места назначения. Говорят, со следующего года отменят стипендию. Меня – то это уже не коснется. А вот Сергею плохо. Он, конечно, будет стараться быть отличником (для них стипендия сохраняется), но это не зависит от студента. Я помню – такое уже было: с отменой стипендии одновременно вышло указание – ставить отметки как можно строже, а экзамен – это лотерея! Кроме того будет комиссия по ранению – сохранят ли инвалидам пенсию? Один знакомый мрачно пошутил, что желает Сергею до самой смерти быть инвалидом! Парадокс. Выглядит Сергей плохо: нервничает, устает, худой и бледный, а питание в институте стало никудашнее – бурда...».

Эти моменты очень повлияли на Сергея. 10 апреля 1947 года он пишет: «...всюду жизненные тупики и не видно перспективы в дальнейшем», или вот: «...чувствую себя неважно, тощий до чертиков!»,

«...м.б. у меня мало моральных сил, но жизнь впроголодь сильно давит».

Лелино письмо от 29 апреля 1947 года: «...Вчера для меня был решающий день: распределение на работу. Нервы были напряжены до предела. Для меня все закончилось неплохо. Меня направляют на работу в научно – исследовательский институт (НИИ -4) при Академии Артиллерийских Наук. Относится этот НИИ к Министерству Вооруженных Сил. Направляют меня туда, как младшего научного сотрудника. Находится он в 30 минутах езды от Москвы на электричке по Северной дороге. Многим оно известно, как дачное место Подлипки. Оклад намечен 900рублей, дают общежитие. Посылают туда двоих из нашего МХТИ: меня и еще одну девушку. В крайнем случае, будем нанимать с ней комнату (тогда НИИ оплачивает половину квартплаты). Было несколько мест и в самой Москве, но это идеальное решение для москвичей и москвичек, а для меня вопрос с пропиской решался бы туго. Здесь вот какие ТУЗЫ бьются месяцами, и дело не всегда решается в их пользу!!! Я буду работать под руководством профессора Бакаева (лауреат Сталинской премии), который читал нашему курсу артиллерию. Наше руководство кафедрой говорит, что получив это место – я на широкой дороге. Сегодня день моего рождения. Сергей подарил мне фотоальбом и 7 слоников на счастье! 9 июня я буду защищать диплом, САМАЯ ПЕРВАЯ! О! Страшный для меня день! Вспоминайте меня и молитесь обо мне 9 июня... С мая для нас отменяют картофель по карточкам – это минус 11 килограмм по твердой цене. Чем еще кончится Сережина перекомиссия?

С мая начнут вычитать заем... Положение осложняется. Получила письмо от Аси. Она пишет, что не ладит со своим отцом. Она даже ищет квартиру, так как отец задумал жениться... Наши Сергей и Люся собираются приехать в Петропавловск, познакомят с будущей невесткой - Еленой Эдуардовной Балюкевич. Ее отец живет в Омске, так что летом поедem все вместе на каникулы. А пока Люся упорно готовится в аспирантуру». *Люся окончила институт и по распределению попала в подмосковный Серпухов, где работала инженером на заводе, снимала у хозяйки квартиру. Надо сказать, что две Елены: сестра Сергея и будущая жена были не только тезками, но и полными ровесницами – обе родились в 1921 году. И, стало быть, Сережа был на три года младше своей супруги, как и своей сестры – курсив мой).*

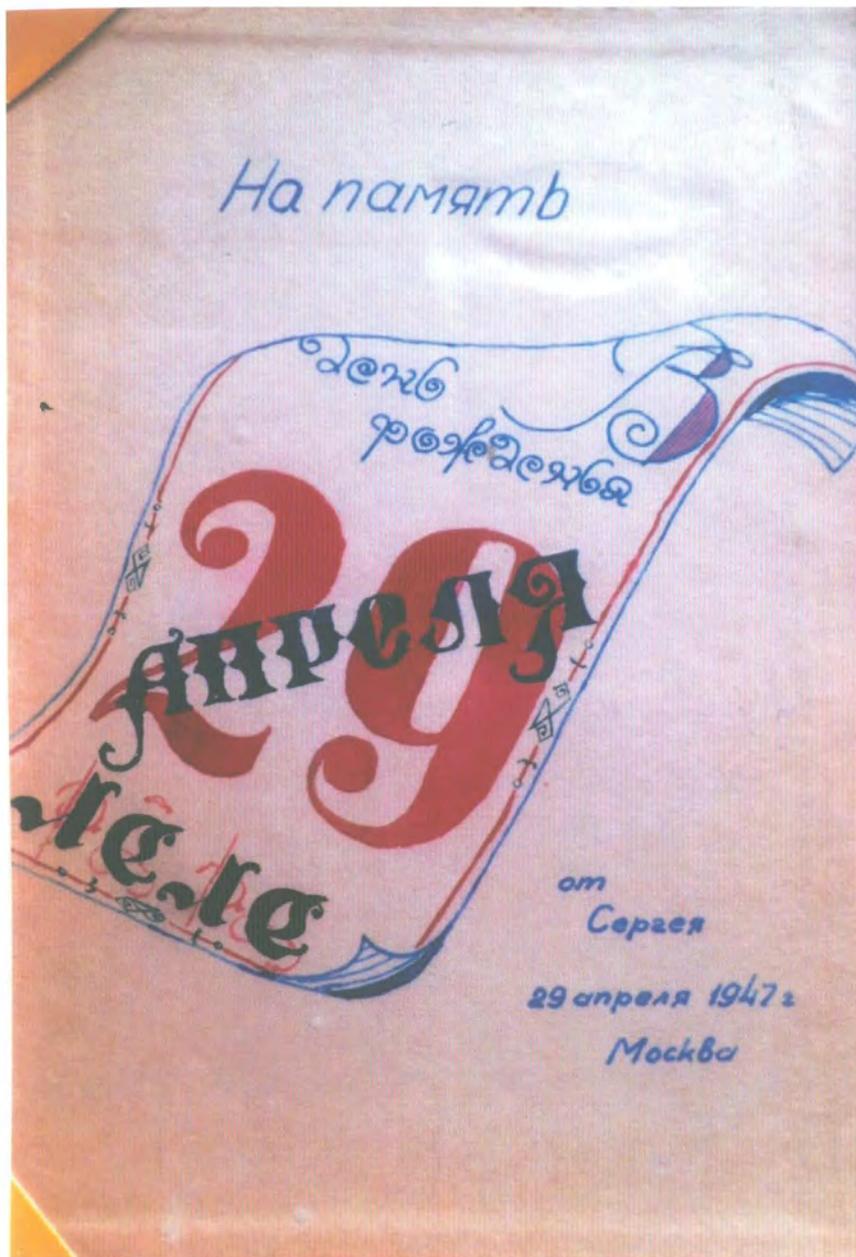

ФОТО титульной страницы альбома, подаренного Сергеем Леле в день рождения.

Первый ВКЛАД В АЛЬБОМ – его собственная фотография.

На память
сестричке
о наших днях
рождения в 1947г
Батя может они
были последними
проведенными вместе
а вообще - как жить?
Сергей.
19 $\frac{29}{IV}$ - $\frac{1}{V}$ 47г
г. Москва
Первый вклад в
новый альбом.

Автограф Сергея на этом фото.

9 июня 1947 года Лёля: «Сегодня была защита диплома. Я совсем не волновалась. Когда нам объявили решение государственной экзаменационной комиссии,

ко мне подошли поздравить с букетами одна девушка от нашей группы, Люся и Сергей».

«...10 июня Сергей сдал сопромат. Была с нами Люся, и мы отметили еще раз мою защиту – мне подарили «инженерский портфель». Завтра мы все вместе поедem к Люсе в Серпухов, она очень просит. Там мы еще раз отметим мое окончание института».

Дальше следует телеграмма в Петропавловск: «Выезжаем 7 июля поезд 76 вагон 2». Известно лишь, что выехали из Москвы Заборовские втроем. Надо ведь было познакомиться Люсе со своими будущими свекром и свекровью! В Петропавловске на перрон вышли Ольга Ивановна и Иван Федорович. Пока стоял поезд, произошло знакомство будущих родственников. Затем Люся отбыла с поездом в Омск, к своему отцу.

Это лето семья Заборовских встретила в полном составе. Дети помогли переехать своим родителям на квартиру по адресу: улица Карима Сутюшева, 29. Эта квартира станет последним пристанищем старшего поколения Заборовских.

В этой квартире выросла и я. Именно об этом, дорогом для меня жилище, будут мои детские воспоминания, будет мой рассказ в следующей книге трилогии «Чтобы жизнь повторилась сначала».

ФОТО ОБЛ ЗО

(Иван Федорович Заборовский был агрономом – плановиком ОБЛ ЗЕМ. ОТДЕЛА)

Письмо от Лели – (она одна возвращается в Москву) 3 августа 1947 года: (Сергей, наверное, еще весь август провел дома), а Леле пора на работу в Болшево НИИ – 4...

Итак, Лёля отправляется в свою совершенно взрослую самостоятельную жизнь. Она уже чувствует некоторое отчуждение:

«...Я несколько оторвалась от Сергея и Люси. У них теперь продукты вместе, деньги общие. В общем, негласно я отесняюсь понемногу. Именно сейчас происходит отрыв и замена моей заботы о Сереже на заботу Люси...Я органически чувствую, что у нас с Сережей нет той связи, что была раньше... Ничего не поделаешь... Такова жизнь...».

Вот Лёля вернулась в Болшево из Москвы, где была три дня в командировке. Она ездила в МХТИ, на свою кафедру:

«Мне очень хотелось побывать здесь, повидать своих преподавателей, многих студентов. Ехала я сюда в радостном волнении. Но тут я почувствовала, что я «за бортом». Было очень странно, что начались занятия, а мы как – то в стороне... Все же как это верно: учиться намного легче, чем работать. Я бы сейчас с удовольствием начала учиться со всеми, особенно на 4-ом или 5-ом курсе... В Болшево у меня появилась какая – то апатия ко всему. Нет охоты работать, не хочется продвигаться по службе. Хочется хоть немного пожить свободно, не заботиться о каждой мелочи, не испытывать бесконечных жизненных затруднений».

Пока на Лелю не пришли документы по засекречиванию, она гарантирована от дальних командировок. Руководство же считает, что такие командировки полезны для молодых специалистов. Лёля как заклинание повторяет: «Я устроилась лучше других окончивших. В выходной перевезла все свои вещи сюда. Сергей приехал и врезал английский замок, так что пора привыкать к новым условиям жизни».

Сергей и Люся поженились в 1948 году. Спустя год, в 1949 году, и Лёля выйдет замуж. Вот еще несколько писем из «холостой» жизни:

Лёля: «...вообще я очень часто бываю в Москве в командировке. Останавливаться мне, кроме как у Сережи, нигде. Люся еще чаще меня бывает у Сергея, наезжает из Серпухова. Но 7 сентября 1947 года – случай особый! *Москва празднует свое 800-летие.* Я

приехала из Болшево первая. Мы с Сергеем выкупили по сережиной карточке сладкое, коробку маринованной селедки и немного свежей рыбки. Ждем Люсю. Съездили в институт. Возвращаемся – а по коридору общежития прогуливается... Константин Сергеевич! Он встретил нас так радостно! Сколько лет это уже длится! И как ему не надоест?! Он попросил Люсю и Сергея освободить меня от приготовления ужина, так как ему надо со мной поговорить. Во время вечерней прогулки он рассказал мне, что едет в подмосковный дом отдыха, больше не работает в Великих Луках, его оставили в распоряжении ЦК. Так что он опять на перепутье, и может варьировать с местом работы... Он снова спрашивает меня: «где бы я хотела жить?» Я ответила, что довольна своим местом жительства. Говорили долго. Он порывался уйти, но оставался, как привязанный...».

«...другой день был исключительно хорош – праздник! Вчетвером мы пошли в парк культуры им. Горького – помните, мы были там с Юлией Федоровной Заборовской (Ахабадзе) в 1940 году? – но вы не представляете сколько гуляющих было там сегодня! Так хорошо провели мы день, а в 9 часов вечера начался салют. Мне уже хотелось уехать в Болшево, чтобы завтра рано не вставать на электричку, но, подойдя к станции метро «Парк культуры», мы убедились, что станция закрыта. А все виды транспорта ломались от народа. Решили мы идти по Набережной к центру. А потом тысячу раз одобрили это решение! В 10 часов опять начался салют, причем фейерверки пускали прямо с пароходов, стоящих вдоль Набережной. Вы не представляете, какая была красота!!! Когда мы дошли

до центра начался непрерывный салют. Фейерверки ни на минуту не исчезали с неба! Было светло как днем! Особенно красиво был оформлен Кремль и Центральный телеграф. Стены Кремля были унизаны тысячами лампочек, а на центральном телеграфе была бегущая иллюминация! Так мы дошли до площади Маяковского и там сели в метро. Думать о возвращении в Болшево было нечего!».

Письмо Сергея приоткрывает «завесу тумана» над Петропавловскими делами: **ОЛЬГУ ИВАНОВНУ ПРИГЛАСИЛИ ПРЕПОДАВАТЬ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В УЧИТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ.**

Сергей восклицает: «Вот это нашему козырю в масть!!!» И действительно, материальное положение «петропавловцев» значительно улучшилось. Это было так важно - ведь Иван Федорович уже не мог работать как раньше, он был тяжело болен.

Лёля по просьбе родителей описывает свою лабораторию в НИИ – 4, состава 1947года:

«...публика довольно симпатичная. Женский состав – преимущественно молодежь! 6 человек, окончивших институт в этом году - 5 из них МХТИ – «менделеевское засилье». Мужской состав: один полковник, три подполковника, 2 майора, один лейтенант и двое штатских. Эти девять человек помимо воинских званий имеют еще и ученые звания, но характера не вздорного, к нам относятся хорошо».

Вот тут я по секрету скажу, что один из этих подполковников и станет, в 1949г., мужем Лели.

Серебrenников Семен Данилович – это и есть мой отец. Но это будет потом в 1952 году.

Он прошел всю войну: от первого до последнего её дня. Артиллерист. Мало того! Война для него не закончилась 9 мая 1945г. Он воевал ещё и в июне – августе 1945 г. в Манчжурии, освобождая Китай от Японской квантунской армии.

2017год День Победы Бессмертный полк.
Я несу портрет отца-Серебренникова
Семена Даниловича.

Вернувшись с фронта, он не был демобилизован и в чине полковника работал в научно исследовательском институте подмосковного города Болшево.

Этот закрытый НИИ теперь, за давностью лет, раскритичен, но в те времена, когда я появилась на свет, об этом населенном пункте надлежало знать немногим. Здесь, в Болшево, не было даже улиц – сплошь микрорайоны, которые до сих пор называют городками. Город построен исключительно на средства и силами армии на месте частных домов и пустырей, разделявших когда-то подмосковные Болшево и Калининград. На закрытой территории находились не просто войсковые части, там был НИИ Минобороны. Мои отец и мать, а также обожаемый мною дядя Сережа (родной брат моей мамы) и его жена Люся были научными сотрудниками этого НИИ, правда в разных подмосковных городах, но подчиненных одному и тому же Управлению Минобороны.

Мой папа был лет на 15 старше всех этих троих Заборовских: своей жены Лели; Сережи (маминого брата) и Люси (жены Сережи).

Он, мой папа, давно уже снискал славу талантливой физика, ученого. Здесь, в болшевском НИИ-4 в 1949 году он увлекся молодой, озорной девушкой с чудными глазами и пышными, вьющимися волосами – Лелей Заборовской, направленной сюда из Москвы, по окончании МХТИ им. Менделеева, и получившей специальность № 42. А коль специальность никак не называется – значит спецфакультет, значит засекречено.

Всякий раз, открывая мамин диплом, я читала с гордостью: «ВУЗ окончен с отличием». И это были не пустые слова. Ведь именно благодаря своим знаниям мама получила такое перспективное распределение в черте Москвы. Приехала вчерашняя студентка в болшевское

НИИ – 4 в августе 1947 г., а через полгода, в феврале 1948 г. была уже младшим научным сотрудником, минающая должность инженера.

Вот и встретились судьбы 38-летнего Серебренникова Семена Даниловича – бравого, спортивного, молодого, прошедшего всю войну от первого до последнего дня, умудренного жизненным и фронтовым опытом и 25-летней Елены Ивановны Заборовской, красой и гордостью ВУЗа, а позже болшевского НИИ – 4.

Эпилог

Прочитав хождения по мукам, убеждаюсь: все поколение этих славных ребят было выдернуто ВОЙНОЙ из нормально текущей жизни... У них, как и у всех людей военного времени жизнь пошла не по тем рельсам, молодые люди были вставлены условиями военного времени в иную колею... Значительную часть молодых, здоровых ребят война вовсе вычеркнула из жизни, выкосила своей страшной косой многих ровесников Лёли и Сережи. Да и оставшиеся в живых счастливики стали другими.

Вспомним Лелю, Асю, Валентина в 1939 году – «буквариками» в Москве! Сколько жизни, веселья, смеха! И вот война прошла по всему этому своим смертоносным крылом... Отрезало... И нет той Лели... той Аси... Вернее они есть, но это совершенно не те, прежние ребята. И откуда брались в них силы постоянно терпеть невзгоды, уметь находить хорошее в самом крайнем положении, и никого при этом не

обеспокоить, не показать как им трудно, как невыносимо тяжело... Каждый из них построил свою послевоенную жизнь, как смог.

Я не буду останавливаться здесь на послевоенной жизни Лёли Заборовской. Об этом я написала целую книгу. Об этом можно прочитать в третьей книге трилогии «Чтобы жизнь повторилась сначала».

Ася выйдет замуж за известного художника Бушуева Николая Петровича и будет жить с ним и дочкой Еленой (которую она назовет так в честь своей подруги Лёли) на ул. Мосфильмовской в Москве.

Люся окончит аспирантуру, станет кандидатом наук. Сергей с отличием завершит учебу в МХТИ, опять наденет погоны, всю жизнь он будет возглавлять госприемку на военных заводах для армии и флота, в объединении «Восток» г. Дзержинский, Люберецкого района, московской области. Уйдет в отставку в звании полковника (по – сухопутному) и (капитаном первого ранга по – морскому). У них в семье родится сын – Андрей (мой двоюродный брат).

В 2011 году в Северо – Казахстанской области была завершена книга «Солдаты Победы» к 65 летию Великой Отечественной Войны. Безусловно, и я принесла данные Сергея Ивановича Заборовского в редакцию. Ведь он был отправлен на фронт Петропавловским ГВК и вернулся с войны инвалидом второй группы сюда же, в родной Петропавловск. Творческая группа, занятая изданием книги была удивлена теми подробными сведениями, которые я смогла сообщить о нём.

- Откуда вы все это знаете? – спросили меня. И уже тогда, в 2011 году, я рассказала, что хочу написать об этом книгу и собираю материал по крупицам.

1 Мая 2018 года Сергею Ивановичу Заборовскому исполнилось 94 года.

Я не буду рассказывать здесь о послевоенной жизни его сестры Лёли Заборовской. Об этом я написала еще одну книгу «Чтобы жизнь повторилась сначала». Что было с нашей семьей дальше вы узнаете, прочитав её.